

Левина-Крапина
Майя Исааковна,
1935 года рождения.

Малолетний узник минского гетто.

Мастер спорта по акробатике. Руководитель циркового коллектива Республиканского Дворца пионеров в г. Витебске (1956–1961). Артистка Белгосфилармонии (1961–1981). Режиссер Народного цирка «Транзит» Дворца культуры и спорта железнодорожников в г. Минске (1981–1993).

Одна из организаторов Белорусского республиканского общественного объединения евреев – жертв нацизма (ныне БРООУГК), Минского благотворительного объединения «Гилф» («Помощь»), республиканского фонда «Холокост». Одна из первых волонтеров, куратор Центрального района г. Минска и городского объединения Праведников, начальник, инструктор отдела гуманитарной помощи благотворительного фонда «Хэсэд-Рахамим».

ISBN 978-985-6783-41-1
9 789856 783411 >

М.И. Левина-Крапина

Трижды рожденная

М.И. Левина-Крапина

Трижды рожденная

воспоминания бывшей узницы минского гетто

М.И. Левина-Крапина

Трижды рожденная

Воспоминания
бывшей узницы минского гетто

Минск
Издатель Змицер Колас
2008

УДК 94(476)(092)
ББК 53.3(4Беи)
Л36

Спонсоры:

Американский еврейский объединенный распределительный комитет «Джойнт».

Союз белорусских еврейских общественных объединений и общин. *Председатель Л.М. Левин*.

Председатель наблюдательного совета ММОЦ им. Йоганнеса Рау *профессор Манфред Цабель* (Германия).

Общественный благотворительный фонд «Хэсэд–Рахамим». *Директор С.П. Абрамова*.

Минское благотворительное объединение «Гилф». *Председатель Ф.В. Рейзман*.

ISBN 978-985-6783-41-1

© М.И. Левина-Крапина, 2008
© Оформление. Издатель Змицер Колас, 2008

65-летию гибели минского гетто

ПОСВЯЩАЕТСЯ

От автора

Перед Вами книга «Трижды рожденная».

Это мои воспоминания о прожитом. Думаю, правильнее назвать ее исповедью. Всю свою сознательную жизнь я носила в себе свою боль, свою память. Пережить пришлось многое. На мою долю выпала сложная судьба, полная трагизма и простого человеческого счастья. Чего было больше? По времени — простого человеческого счастья, но пережитое в годы войны оставило в моей душе неизгладимый след. Это моя вечно незаживающая рана. Она то затягивается, то с новой силой дает о себе знать и болит, болит, болит…

«Трижды рожденная» — так назвала я свою книгу. Почему?

Родилась я 20 декабря 1935 года. Это мой настоящий день рождения.

Два с половиной года жизни в гетто я умирала практически каждый день. 23 октября 1943 года я бежала из того ада.

Согласно свидетельству, полученному в 7-м Минском детском доме, день моего рождения был определен 1 мая 1938 года.

Для одного человека этого слишком много. Но такова моя жизнь.

После долгих раздумий я решила написать эту книгу, рассказать о своей нелегкой жизни. Это мой долг перед памятью погибших узников минского гетто, старшим поколением, что спасало нас, детей войны.

■■■■■

Войной написанные строки

Моя семья

Я к вам таю любовь сыновью
И в час уныний, в час скорбей
Я чувствую, что я еврей.

И. Эренбург

Наша семья Левиных была большой и дружной: дедушка Борух и бабушка Дора — родители папы, папа Исаак, мама Сима и пятеро их детей. Старший брат Иосиф родился в 1929 году, сестра Валя — в 1932, я в 1935, в 1938 году — Сарра и в 1940-м — Любочка. Разница в годах у нас, сестер, была два-три года. В доме всегда звучали детские голоса, смех. Старшие заботились о младших, играли с ними. Я родилась в Минске, в доме дедушки по 2-му Северному переулку. Он находился в ста метрах от Дома Правительства. Напротив нашего дома располагалась санитарная станция.

Главой нашей семьи был дедушка. Он был одним из лучших в городе столяров-краснодеревщиков, о чем свидетельствовал полученный им частный подряд. Его мастерская находилась во дворе нашего дома. Дедушка мастерил столы, стулья, комоды, шкафы. Мы, дети, любили смотреть, как он работает, но только издали. В мастерскую дедушка разрешал заходить только Иосифу. Иногда поручал ему несложную работу. Видимо он хотел научить брата своему мастерству.

Дедушка был общительным человеком. К нему часто заходили соседи, тоже мастеровые люди — портные, сапожники, закройщики, парикмахеры.

Дедушка с бабушкой были верующими людьми. По субботам ходили в синагогу.

Дедушка очень любил нас, детей, хотя и был с нами строг. При нем мы не шалили. Зато бабушка нас сильно баловала.

Авторитет взрослых в семье был непререкаемым. Их слово

было для нас законом. По их взгляду мы понимали, поступаем мы хорошо или плохо.

Папа был ломовым извозчиком. У него была лошадь, телега. Каждый день рано утром он уезжал из дома и возвращался поздно вечером. Мы очень любили и жалели нашу лошадку. Она была темной масти. Грива почти закрывала ей глаза. Я помню ее всегда с низко опущенной головой. Очень хотелось ее погладить, но детей к ней не подпускали. Мы завидовали Иосифу, который часто кормил и поил нашу кормилицу.

Сима Иосифовна Левина — мама Майи

Весь наш дом держался на маме. Вспоминая маму, я всегда вижу ее за работой — на кухне, за стиркой, в огороде. Трехлетняя Сарра всегда крутилась около мамы, путаясь у нее под ногами. Мама никогда не повышала голоса, всегда была спокойной. У нее хватало сил и времени приласкать нас, похвалить или пожурить. От ее прикосновения и боль утихала, и обиды проходили. Я очень любила смотреть, как по утрам мама расчесывала волосы. Они были темные, длинные, ниже пояса. Проводя по ним расческой, мама поднимала кверху голову — до чего же красиво было ее лицо: строгие правильные черты, кроткие глаза. Днем мама повязывала на голову платок. Ее сдержанной полуулыбкой любовались все, а мама как бы скрывала ее. Такой я любила маму, такой ее и запомнила. Время порой стирает облик людей. Но с мамой этого не случилось. У меня сохранилась единственная ее фотография. Я берегу ее как самое дорогое в жизни.

По вечерам, когда возвращался домой папа, уставший,

голодный, мама кормила его, подсаживалась к столу, и они тихо о чем-то разговаривали. Если дети к тому времени не спали, то все бежали к отцу, старались залезть к нему на колени. Чаще всего это удавалось Сарре и Любочке.

Родители жили дружно. Мы жили в атмосфере добра и покоя. Какое это было счастливое время! Старшие дети обожали годовалую Любочку. Она была хорошенькой толстушкой, с темными глазками. Мы на перебой давали ей свои игрушки.

Жили мы хорошо, все были одеты и обуты. Ели мы сытно. Я очень любила картофельные драники. Это блюдо мое любимое и по сей день. Только не всегда они получаются такими румяными, слегка хрустящими, как у мамы. В обычные дни мы ели суп, борщ, куриные клецки из мацы. На столе постоянно были овощи — помидоры, огурцы, морковь, лук, чеснок — все с нашего огорода.

Особенно любили мы субботние ужины — шаббат. За столом собиралась вся семья. Дедушка читал молитву. Это придавало ужину особую торжественность. На столе была фаршированная и заливная рыба, холодец, горячая курица. Заканчивался ужин компотом со сладостями, которые мы очень любили. Дедушка с бабушкой и родители всегда смеялись, глядя, как мы уплетаем за обе щеки любимые лакомства.

По воскресеньям и в праздничные дни мама с отцом ходили на базар. Мы с нетерпением ждали их возвращения — они всегда приносили нам гостинцы: конфеты, печенье, игрушки.

Оживал наш дом с наступлением Нового года. Папа привозил елку, устанавливал ее в большой комнате. Мы все ее наряжали.

Наш переулок и соседние улицы были застроены частными деревянными домами. Каждый из них отделялся друг от друга деревянным забором. Вдоль них тянулись деревянные тротуары. Вдоль улицы росли деревья, кажется липы. Наша улица была довольно узкой и тихой. По ней редко проезжали телеги, не говоря уже об автомашинах.

С прибавлением в семье детей в доме становилось тесно.

Отец сделал пристройку к дедушкиному дому из трех комнат, кухни, веранды. В двух комнатах разместились дети. Нам нравился наш дом. В нем было тепло и уютно.

Для отопления дома старший брат отца дядя Миша построил печки. Их было четыре. Самая большая была на кухне. Дядя был очень набожным и образованным человеком, знал иврит, читал на нем и писал.

Родителям приходилось запасать много дров. Их привозил обычно папа. С дедушкой они пилили плашки, кололи их. Часто им помогал дядя. Иосиф складывал их под навесом у сарая. Отапливали дом и углем. В печках собиралось много золы. Ее выгребали и выносили на огород.

Огороды тянулись позади домов. Мы выращивали картофель, морковь, лук, чеснок. Огород был заботой мамы. И как только она везде поспевала? Мне кажется, что наши грядки были самыми ухоженными.

В нашем хозяйстве была и живность — козы и кролики. Козочки паслись на лужайке, что была за огородами. Там и мы проводили летом большую часть времени. Играя, мы присматривали за козами. Мы любили играть с нашей собакой Аввой. Это была красивая овчарка. Она все сносила от детей. Но однажды она укусила меня за руку. Видно, я перешла все границы ее терпения. После этого дети стали обращаться с ней осторожнее.

Приходили домой мы перепачканные, тихо забивались в угол веранды. Мама вытаскивала нас и, не ругая, мыла, переодевала в чистую одежду и только тогда разрешала идти в свои комнаты, а сама становилась у деревянного корыта и стирала нашу одежду. Папе на нас она никогда не жаловалась.

Мы были приучены к бережливому отношению к одежде, знали, что после нас платья, свитеры, пальтишки перейдут к младшим. Помню, мне очень нравился свитер Вали, такой мягкий, красного цвета, и я с нетерпением ждала, когда он достанется мне.

В этом свитере Валя ходила в школу. Она училась в первом классе. В школу ходил и Иосиф, он был пятиклассником. Они

оба учились в русской школе. Школьные принадлежности носили в сшитых сумках. Ручки с перьями и заточенные карандаши они заворачивали в тряпочку, чтобы не сломать. Придя со школы, они делали уроки. Если мы с Саррой в это время были дома, то сидели тихо, как мышки. К этому приучила нас мама. Их учебой постоянно интересовался папа и был доволен их успехами. В доме появились книги. Их покупал папа. Большим любителем книг был Иосиф. Мама видела, с каким любопытством я смотрела на брата и сестру и, гладя меня по голове, говорила, что и я скоро пойду в школу.

Памятным событием в нашей семье был отъезд бабушки Мэры, матери мамы, в гости к сыну. Он жил в городе Дорогобуже Смоленской области. Вся семья собирала ее в дорогу, укладывала гостинцы. Папа отвез ее на своей телеге на вокзал. Мы все завидовали бабушке — ведь она поедет на поезде!..

■■■■■■■

Война

Вы первая цена, заплаченная миром,
Вы первыми ушли из мира в никуда.
Удар был нанесен по малым, нищим, сирым…
Убиты — без могил. Погибли — без следа.

И. Кацнельсон

Неожиданно в нашем доме стало как-то тихо.

Взрослые по вечерам собирались вместе, негромко о чем-то разговаривали. Лица у них были строгие и озабоченные. Иногда до нас доносилось слово «война». Мы не понимали его, но обратиться к взрослым за разъяснением не решались. По привычке мы обступали Иосифа — он всегда опекал нас, был нашей защитой и опорой. Всегда такой внимательный и добрый, сейчас Иосиф отмалчивался, велел не мешать ему. Мы отходили от него с обидой.

Взрослые не прогоняли Иосифа. Он все время старался быть рядом с ними. Обсуждали они, как я сейчас понимаю, сложный вопрос: «Что делать?» Одни опасались за свою жизнь, другие их успокаивали. Ссылались на первую мировую войну — тогда евреи не пострадали. Свое отношение к происходящему выразила и я. Я подбегала к взрослым и, размахивая молотком, говорила: «Вот придет немец, я ему как дам молотком по голове!..» Но все оказалось намного сложнее и страшнее. Закончить нашу пристройку к дому дедушки нам не пришлось. Соседи стали спешно покидать свои дома и куда-то уезжали. Собрались в путь и мы. Папа посадил нас на подводу, и мы влились в толпу беженцев. Двигались мы к Могилевскому шоссе. Через некоторое время добрались до маминого родного города Смиловичи. Потом шли по пыльной дороге, тесно прижавшись к маме. А ей и самой было трудно нести годовалую Любочку. Над нами кружили немецкие самолеты. Слышны были разрывы бомб, грохот

Гитлеровские войска в Минске. 1941 г.

снарядов. Нас обгоняли машины, телеги. Хотелось не столько есть, сколько пить. Было понятно, что уйти далеко мы не сможем. Мы вернулись в Минск. Город невозможно было узнать: его окутывал черный дым, царила паника. Разворовывались склады, магазины, витрины. Вернувшиеся соседи рассказывали, что творилось на кондитерской фабрике «Коммунарка». Там стояли огромные чаны с патокой. Ее люди черпали ведрами. Многие, теряя равновесие, падали в чаны и тонули в патоке…

Никто не знал, что делать…

■■■■■■■

Переселение в гетто

А толпам нет конца… Их гонят избивая…
Телеги ломятся под тяжестью людей,
Узлов, мешков, тряпья… О, где найду слова я,
Чтоб описать глаза напуганных детей?..

И. Кацнельсон

Вдруг в доме стало оживленно. Взрослые складывали вещи в большой платок, связывали его узлом. Мама одевала на детей по нескольку одежек. Было очень жарко. Отец с Иосифом разбирали железную кровать… Мы собирались переселиться в гетто, отведенный специально для евреев район в северо-западной части города. Шли мы сначала одни, потом в толпе, по улице Новомосковской к Немиге. Толпа часто останавливалась, потом снова медленно двигалась вперед. Впереди шли дедушка, отец и Иосиф с частями от разобранной железной кровати, с клунками. Мы, дети, как и взрослые, очень устали — было жарко. По дороге мы повернули на улицу Коллекторную. Идти пришлось в гору. И откуда только брались у нас силы идти, не отставать от взрослых?..

Мама успокаивала нас, говорила, что скоро мы придем в новый дом, там и отдохнем. Наконец пришли к незнакомому деревянному дому за забором, с палисадником. Он был небольшой. Но мы были рады пристанищу. Мужчины занесли вещи в дом, принесли воды из колонки. Мама обмыла нас, напоила. Мы пошли смотреть наше новое жилище. В доме было несколько комнат, но мы все поселились в одной. Папа с Иосифом сложили кровать. Мама раскладывала наши пожитки. Мы, дети, сидели у окна, будто замерли. Что нас ожидает?

Появились жильцы в соседних комнатах. Сколько их было — трудно сказать. Много! И в тех семьях были дети. И они, и мы не спешили знакомиться. Все было ново, непривычно.

На нашу верхнюю одежду мама нашила лоскутки круглой формы желтого цвета. Это были обязательные для маркировки евреев латы. Их носили и взрослые, и дети. На одного человека их приходилось по две: латы нашивались на спину и левую сторону груди. Мы, дети, на эти нашивки не обращали никакого внимания, когда находились на территории гетто. Но одевали одежду без лат, когда уходили «в русский» район города.

Ограждение концлагеря в Минске. 1941 г.

Окна стали завешивать тряпками, одеялом. По вечерам комнату освещала свеча. Готовили еду в печке, в чугунках, горшках. Выручали нас мука, маца, соль — все, что мы принесли с собой. Мама готовила лепешки. Ели мы все из одной миски.

Я с Валей приставали к Иосифу с вопросом, почему мы живем здесь, ведь у нас есть свой дом? Бедный Иосиф! Ему было сложно это объяснить нам, детям. После войны он рассказал, что свой дом мы обменяли с русской семьей, чей дом попал в черту гетто. Так мы переселились на улицу Сухую. Читая книги о минском гетто, я находила перечень более 40 улиц и переулков, входивших в его черту. Наша улица была небольшой, с частными домами, которые стояли в два ряда по сторонам дороги. Их было чуть больше десяти. Улица начиналась от сквера на Юбилейной площади и шла до ворот еврейского кладбища. На площади находилось руководство гетто: юденрат, биржа труда. Там всегда толпились полицейские — и русские, и еврейские. Мы узнавали их по дубинкам. Они часто гуляли по спинам детей. Почти напротив нашего дома была толкучка. Там шел

обмен вещей на продукты. Хорошо, у кого были вещи. Большинство их не имело. На толкучку приходили минчане с русской стороны, иногда приезжали крестьяне. Но просуществовала толкучка недолго. Вскоре немцы даже таким случайным образом не разрешили помогать еврейскому населению. А для нас, детей, это было одним из развлечений — потолкаться среди людей. Приходя домой, мы рассказывали маме, что видели пирожки, иногда яйца. Представляю, как тяжело было ей нас слушать, держа семью на полуголодном пайке.

Иосиф с работы иногда приносил картофельные очистки. Мама мыла их, варила и толкла. Пока была соль, мы ели это довольно охотно. А когда ее запасы кончились, проглатывали с трудом.

Из нашей семьи на работу ходили дедушка, папа, Иосиф и мама. Но после того, как в гетто и днем начали убивать людей, мама стала оставаться с детьми. Папа и дедушка работали на лесопилке, а Иосиф истопником, он целый день разгружал уголь. Дедушка состоял в команде специалистов как первоклассный столяр. Всех на работу уводили из гетто колоннами. Мы провожали их до площади перед юденратом, а вечером там же встречали. Возвращались они усталые, молчаливые. Мама подготавливала воду, чтобы мужчины хоть немного помылись, стирала их белье и одежду. Но что это было за мытье?.. Воды не хватало, мыла не было. Бани в гетто не работали. А людей было много. Жутко вспомнить, как все выглядели…

За домами, что стояли напротив нас, было двухэтажное здание с довольно большими окнами. Это была инфекционная больница, она действовала и до войны. Сюда постоянно привозили больных. В гетто распространился тиф. Тифозных больных скрывали, как могли, чтобы спасти от уничтожения — не только их, но и в целом гетто, как рассадник эпидемии. К счастью, эпидемия не вспыхнула.

Мимо наших окон по улице часто шли колонны людей. Их под оружием гнали на еврейское кладбище. Позже стали проходить черные крытые фургоны. Иосиф предупредил, чтобы мы

Проверка документов в оккупированном Минске. 1941 г.

прятались при появлении этих машин — душегубок. Но разве мы слушались?.. Как только появлялась очередная колонна или автомашина «душегубка», мы дворами бежали к воротам кладбища. Спрятавшись за домиком кладбищенского сторожа, стоявшем около ворот, мы наблюдали за происходившим. А зрелище было ужасное. Людей выстраивали вдоль ям, вырытых справа от ворот, и стреляли в них. Люди падали друга на друга. Закончив расстрел, сопровождавшие колонны сыпали в ямы белый порошок (известь), а потом заваливали землей. Машины и охрана уезжали. Мы близко подходили к ямам — земля местами

шевелилась. Странно, но нам не было страшно. Мы привыкли к смерти, к трупам. Не пугало нас и кладбище: мы играли в прятки за склепами, за большими надгробьями. Дома о виденном не рассказывали — боялись наказания. Боялись и вооруженных людей и, завидев их, сразу разбегались. Мы знали, что с их приходом в гетто приходит беда — расстрелы, погромы, облавы.

Мальчишки были посмелее: они часто бегали за полицейскими с повязками и дразнили их. Им удавалось увернуться от их дубинок. Это было просто испытанием судьбы…

Читая литературу о Холокосте в Беларуси, я узнала о шести погромах в Минске: 7 и 20 ноября 1941 года, 2 и 31 марта и 28 июля 1942 года, 21 октября 1943 года.

Историкам виднее, а мне кажется, что их было больше, или все два с лишним года и был сплошной жестокий погром, который унес жизни 80 тысяч узников — мужчин и женщин, стариков и детей. Они погибли только потому, что были евреями. Это была их основная вина. Почти ежедневно мы узнавали о бедах в разных частях гетто. В 1941 году в первом погроме погиб папа. Мама сразу как-то сгорбилась от обрушившегося на нас горя. Все чаще смахивала с лица слезы. Ее состояние передалось и нам, детям. Мы старались не попадаться ей на глаза.

Постоянный страх заставлял защищаться, искать выход, чтобы выжить. Часто стало слышно новое для нас слово «малина». Но оно ничего общего с ягодой не имело, а обозначало «укрытие», место, где пряталось население гетто от погромов. «Малины» строились почти в каждом доме. Была она и у нас. Дедушка с папой выкопали укрытие под полом. Землю выносили по ночам в огород. Наша «малина» имела два входа: через шкаф и через отверстие под печкой. В ней укрывалась не только наша семья, но прибегали и соседи. Под полом было тесно, темно и очень страшно. Я старалась устроиться около мамы. Мама на руках держала маленькую Любочку. Мы, более взрослые дети, понимали, что надо сидеть тихо. Но как было это внушить годовалой сестричке? Трагедия разыгралась очень скоро…

Конвейер смерти

На улице послышались крики: «Погром! Погром!». Все бросились в «малину», затаились. Слышны были возгласы несчастных, приказы и окрики полицейских, выстрелы, топот кованых сапог. Вдруг шаги послышались совсем рядом, над нами. Страх сковал всех спрятавшихся. А мама, боясь крика Любочки, крепко прижала ее головку к груди. Было очень тихо. В темноте мы не видели друг друга. Скоро все кончилось. Выждав время, по одному мы стали покидать укрытие. Вышла и мама с Любочкой. Сестричка молчала. Мама наклонилась над ней и издала звук, который стоит у меня в ушах до сих пор. Это был и стон, и крик… От него стало жутко. На руках мамы лежала мертвая сестричка. Сильно прижатая, она задохнулась в «малине». Смерть годовалой девочки стала спасением нескольких людей.

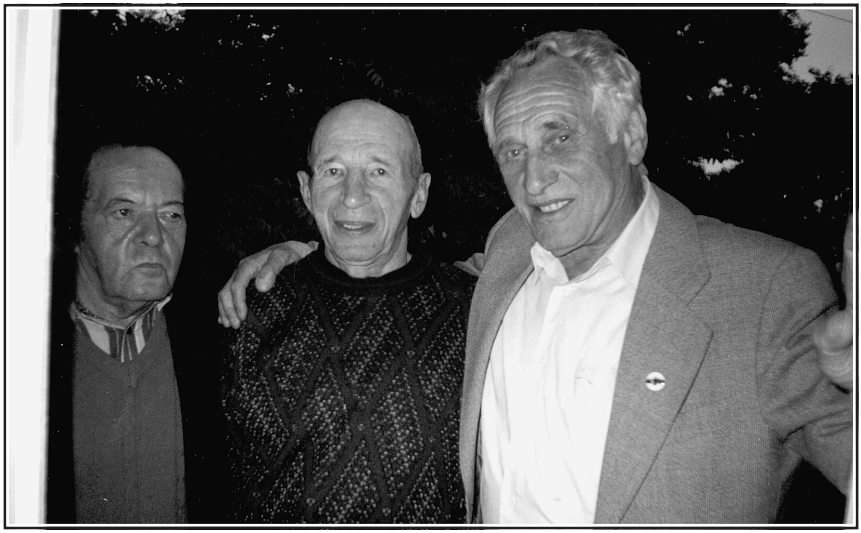
Мама не плакала. Дедушка с Иосифом выкопали небольшую могилку на еврейском кладбище слева сразу за воротами. Насыпали маленький холмик.

Территория минского гетто. 1941–1946 гг.

Так нас в семье осталось шестеро: дедушка, мама, Иосиф, Валя, Саррочка и я. Не стало среди нас папы и веселушки Любочки.

Наши беды на этом не закончились. Впереди нас, как и всех жителей гетто, ждали новые испытания. Зимой стало хуже. Было холодно. Дрова кончились. Печи топили мебелью, разбирали заборы. О тепле не мечтали, хотя бы успеть что-либо сварить поесть. Голод преследовал нас постоянно. Он гнал нас на самые опасные мероприятия. Мы встречали колонны с работы, несмотря на запрет появляться около юденрата. Пролезали через проволоку и уходили в «русский район». Я вместе с другими сверстниками ходила в сторону вокзала, где мы попрошайничали. Иногда нам везло. Заходили и в дома. Много нам не давали — картошку, горсть каши. Но и это было для нас большим подспорьем. Очень хотелось сразу все съесть, но мы этого не делали — ведь надо было принести еду домой. Пролезая под проволокой, мы изодрали всю одежду. На нас висели жалкие лохмотья…

Бывшие узники минского гетто (слева направо): Михаил Наводворский, Иосиф Левин, Леонид Рубинштейн

Дома мы все вместе ели что бог послал. Мама просила не выходить из гетто, ведь за это стреляли. Около колючей ограды часто находили убитых узников.

Бедная моя мама!.. Она так старалась оградить нас от беды, от страха, от ужаса окружающей действительности. Но разве это было возможно? Испытания на нас, детей и подростков, выпадали ежедневно. И как только мы их вынесли?! Память о пережитом не отпускает. Да мы, пережившие этот ад, сами не хотим распроститься с прошлым. Разве могу я забыть своего двоюродного брата Рувку?.. Инвалида с парализованными ногами не успели спрятать в нашей «малине». Полицаи схватили его и волоком тащили по улице. Мы, сидевшие в укрытии, слышали его крик… Больше никто его не видел.

Колонны, возвращавшиеся с работы, проходили через гетто к юденрату. Они видели следы расправ над жителями. Иосиф обо всем увиденном и услышанном рассказывал маме. Их разговоры слышала и я. Иосиф принес весть о погроме 2 марта 1942 года. Тогда за два дня гитлеровцы убили более 3,5 тысяч евреев.

Этот погром охватил тогда центр гетто — Юбилейную площадь, улицы Шпалерную, Татарскую… Трупы свозили в карьер по Заславской улице. Среди них были и живые, и мертвые. Всех кое-как присыпали землей. Местами она пропитывалась кровью, кое-где «дышала»…

Всю эту жестокую правду жизни мы, дети, впитывали в себя, как губка. Мы многого тогда не понимали…

Детей в гетто было много. С каждым днем все большее их количество становилось сиротами. Их родителей фашисты убивали: расстреливали, вешали, умертвляли газами в «душегубках», закапывали живьем. По решению юденрата, управлявшего гетто, был организован детский дом. Он находился по Заславской улице и размещался в двухэтажном доме. Кормили детей в основном за счет помощи жителей гетто. Что это была за еда? Дети были худющие: кожа да кости. Те, кто был чуть постарше, уходили на день побираться, просить на пропитание и возвращались в детдом только на ночь. Но и этих несчастных не пощадили каратели. Очевидец страшных событий, связанных с детским домом, Леня Меломед рассказывал, что трагедия разыгралась в марте 1942 года. Он видел, как по Шпалерной улице вверх вели детей. Весь подъем и двор обойной фабрики были усеяны детскими трупами. Потом их свезли и закопали в карьере по Ратомской улице — теперь это место стало мемориалом еврейской трагедии — «Яма».

О трагедии этого детского дома свидетельствует и моя подруга Майя Радошковская (в юности Смелькинсон). Ей тогда было девять лет. В тот страшный день она находилась в изоляторе по случаю своей болезни. Когда стали выводить детей и послышались выстрелы, Майя от страха спряталась в печке. Сидела, боясь шелохнуться. Слышала топот тяжелых сапог, крики детей… Сидела и тогда, когда все стихло. Отозвалась только на голос женщины, которая спрашивала, жив ли кто. Этой женщиной была Дора Лосик, мама Фриды Рейзман. Она помогла Майе вылезти из укрытия и привела ее к себе домой. Потом Майю прятали в семье Малки

Здание на территории минского гетто, в котором разместились депортированные евреи из г. Гамбурга (Германия). Фото К. Козака, 2005 г.

Кафман, у которой было четверо своих детей. Скрывалась она и в семье минчан Бовт, живших в «русском» районе города. Сейчас Майя живет в Израиле. Мы навещаем друг друга. Когда она приезжает в Минск, мы вместе обходим район бывшего гетто, и я рассказываю об узнанных мною новых эпизодах из его жизни и гибели. Без слез не обходится. Столько пережито!..

Но голод гнал людей из гетто в город. Мой друг по несчастью Леонид Меломед рассказывал, что его мама работала на строительстве бензохранилища по улице Долгобродской. Там женщины рыли котлован, в который закапывали цистерны. Леня ходил вместе с мамой на работу, иногда копал вместе со всеми землю. Но чаще уходил в город, в основном в Слепянку, Красное Урочище. Возвращался к вечеру с продуктами. Но их не всегда удавалось пронести в гетто — когда колонна проходила через ворота, дежурившие у них полицейские часто все отбирали… Везучий был Леня: в двух погромах судьба пощадила его и его семью, они остались живы. Леня часто укрывался в городе у довоенных соседей.

Депортированные немецкие евреи в Минске. 1941 г.

К событиям осени 1941 года постоянно обращается и Фрида Лосик-Рейзман. Мы часто вместе водим по местам минского гетто зарубежных туристов, знакомим их с его историей и трагедией. Мы многое видели, знали от своих родных и близких…

Семья Фриды была тогда на грани смерти. 7 ноября… Первый погром. Рано утром полицейские выгнали Фриду с матерью и отцом из дома и в толпе погнали к Хлебной улице. Два ее брата успели спрятаться во дворе. Около хлебозавода стояли автомашины. Вновь прибывавших немцы и полицейские теснили к машинам, на которых уже сидели люди. Ее мама, предчувствуя беду, постаралась пробраться подальше от машин, держа Фриду за руку. Их спас аусвайс отца, который тот получил как работавший узник. Машины тронулись под крики обезумевших людей, а остальных загнали во двор хлебозавода. Их заставили стоять на коленях под дождем. Вдоль рядов проходил немец и нагайкой бил мужчин по голове, плечам — без разбора… Через какое-то время всех отпустили.

Люди разбрелись по своим улицам, по своим домам. Почти все они в этот день потеряли многих своих родных и близких…

Осенью 1941 года за нашим домом появились люди, которые были и одеты не так, как мы, и говорили на непонятном для нас языке. Их разместили в домах на улицах Обувной, Республиканской, Сухой. Жившие ранее в этих домах были убиты во время погрома 7 ноября 1941 года. Эта территория была отгорожена от нашего гетто. Вновь прибывшие старались с нами не общаться. Да и мы посматривали на них издали. Видели, как их группами гоняли полицейские на еврейское кладбище, где они копали большие ямы. В них закапывали расстрелянных евреев. Позже дошла очередь и до них. Участь у нас была одна: мы и они умирали от голода, холода, антисанитарии, во время облав и погромов. Первые евреи, привезенные из Германии, были из Гамбурга. Потом всех прибывавших из разных городов Германии называли «гамбургскими». Готовясь к экскурсиям по местам минского гетто, я выяснила, что всего в Минск прибыло 25 транспортов из Западной Европы, почти 24 тысячи человек. Это были евреи, жители Гамбурга, Дюссельдорфа, Франкфурта-на-Майне, Берлина, Бремена, Брюна, Кельна, Кенигсберга. Прибывали в Минск и евреи из Австрии, Чехии, Польши…

И их, прежде чем убить, использовали на разных работах. После войны Лея Гуткович, бывшая узница минского гетто, рассказывала, как она подружилась с немецкой еврейкой Эльзой Штайн. Вместе они работали по обслуживанию немецкой летной части, которая располагалась в Доме Правительства. Обслуживали они котельную под присмотром немецкого капитана Вилли Шульца. С ним удалось договориться. Рискуя жизнью, он вывез на машине двадцать пять узников минского гетто, в том числе и Эльзу, к которой питал нежные чувства. Все они благополучно добрались до партизанского отряда имени И.В. Сталина 2-й Минской бригады. Я много раз привлекала Лею к встречам с экскурсантами. Ее рассказ неизменно слушали с большим интересом.

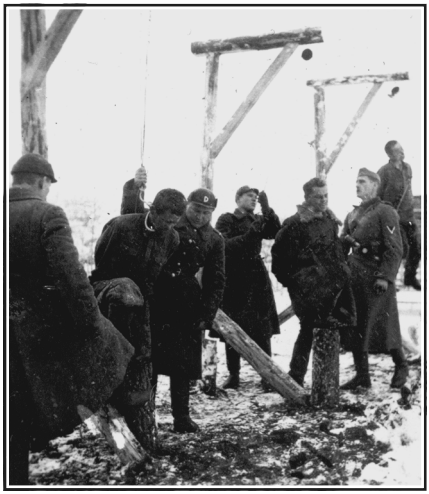
Мама, мама, мамочка...

Скажи, здесь тоже жизнь была,
Дома в горячей зелени?
Молчат и небо, и зола,
И картузы расстрелянных.
И лишь повешенный суров,
Как некий важный маятник,
Отмеривая ход часов,
Без устали качается...

И. Эренбург

Беды в нашей семье не кончались. Я никогда не забуду весенний день 1942 года.

Стоял солнечный день. Мама готовила еду. А мы, дети, сидели около печки и играли с Саррочкой. Неожиданно распахнулась дверь, и в комнату вошли полицейские. Все замерли. Полицейские приказали маме одеться и идти за ними. Мама поверх платья надела кофту. Туже подвязала волосы. Полицейские ее торопили. Она взяла меня за руку, чтобы идти со мной. Но Иосиф отодвинул меня. Мама взяла на руки Сарру и вышла из дома. Куда повели маму? За что? Надолго ли? Эти вопросы вихрем проносились в моей голове. Я прильнула к Иосифу и горько заплакала. Я словно предчувствовала, что мама больше не вернется. Так оно и случилось. Как-то Иосиф вернулся домой с работы, подошел ко мне и сказал, что маму повесили. До меня не сразу дошли его слова. Но он взял меня за руку, и мы пошли на площадь около юденрата. В сквере висели люди. Их было человек десять. Ветер раскачивал их. Я не сразу среди них увидела маму. Она висела первой от начала сквера. На ветру развевались ее длинные темные волосы. Голова была запрокинута назад. Я сделала резкое движение, пытаясь спрятаться за Иосифа. Мимо проходили люди. Они, не останавливаясь, лишь замедляли шаги, чтобы

Так гитлеровцы вводили «новый порядок» в Беларуси

прочесть надпись на фанере, которая висела на груди повешенных: «Партизан!» — и быстро уходили. Ушли и мы с Иосифом. Было тяжело. Но рядом был брат! На протяжении трех дней мы ходили в сквер. Снимать повешенных не разрешали. Мы не знали, что случилось с Саррочкой. Рядом с мамой ее не было. Никто нам о ней ничего не говорил. Затем всех повешенных куда-то увезли… Летом вслед за мамой погиб дедушка. Во время очередного погрома он не успел скрыться в «малине». Его увезли. Больше мы его не видели. Я осталась с Иосифом. Валю к тому времени через знакомых определили в детский дом на русской стороне.

Иосиф часто отлучался из дома. За мной он попросил присматривать соседку Дору, очень красивую женщину. Она жила в нашем доме в соседней комнате. Тетя Дора хорошо ко мне относилась, старалась накормить, чем только могла. Вот только лечить меня было нечем. В то время я представляла собой страшное зрелище: руки, лицо, голова были покрыты коркой, в волосах среди струпьев ползали вши. Худющая. При моем маленьком росте я выглядела жалкой. На лице лихорадочным светом горели огромные глаза.

Вскоре не стало и тети Доры.

Я осталась совсем одна. На мое счастье вернулся Иосиф. Его возвращение в гетто стало моим спасением.

Было это в октябре 1943 года.

■■■■■■■

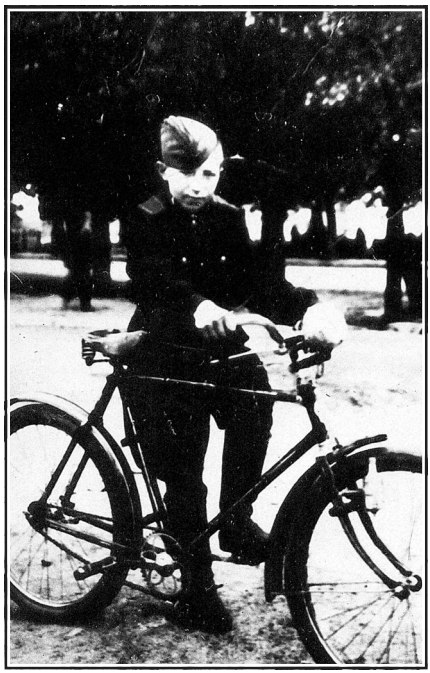
Спасение

В это гетто люди не придут.
Люди были где-то. Ямы тут.
Где-то и теперь несутся дни.
Ты не жди ответа — мы одни,
Потому что у тебя беда,
Потому что у тебя звезда,
Потому что твой отец другой,
Потому что у других покой.

И. Эренбург

Иосиф был проводником. Он выводил людей из гетто к партизанам, в основном в отряд имени М.И. Кутузова 2-й Минской партизанской бригады, действовавшей в Пуховичском районе Минской области. Этот отряд создали выходцы из минского гетто — И. Лапидус, Давидсон, Лосик, Гантман, Кравчинский и другие. Возглавил его И. Лапидус. В гетто об отряде знали, и многие стремились в него попасть. Рискуя головой, Иосиф ходил в Минск и выводил людей. В каждый его приход к отправке из гетто готовилась очередная группа. Сам он вспоминает об этом редко. «Главное, дело сделано!» — говорит он. О нем больше говорят те, кого он вывел из гетто, спас от неминуемой гибели. Но все слова благодарности обращают ко мне — брат живет в США. Я очень горжусь своим братом, его смелостью, мужеством, добротой и неимоверной скромностью. Мы часто перезваниваемся. А каждый его приезд в Минск для меня настоящий праздник!..

А тогда подпольщики гетто определили Иосифа в инфекционную больницу, подальше от любопытных глаз. У нас многие знали, что брат собирается уйти из гетто. Вместе с друзьями Мишей Пеккерем, Женей Мачезом он намеревался отыскать партизан. Шли наугад. В деревнях расспрашивали дорогу к

Брат Майи Иосиф, сын полка. Германия. 1945 г.

партизанам. Так добрались они до Пуховичского района Минской области. На окраине деревни Поречье встретили разведчиков партизанского отряда. Партизаны накормили ходоков, дали им возможность отдохнуть после долгой дороги. Друзья Иосифа решили остаться в отряде, а брат — возвратиться в Минск, за мной. Его долго отговаривали от этой затеи, но Иосиф вернулся. Я знала, что брат снова в гетто и скрывается в инфекционной больнице. И когда разнеслась весть об очередном погроме, бросилась к больнице. Я палкой била по водосточной трубе и, когда Иосиф наконец выглянул в окно, крикнула ему: «Погром». Он быстро спустился, и мы побежали на кладбище, петляя между склепами.

По дороге мы встретили мальчика. Он одиноко сидел на ступеньках газетного киоска у железной дороги. Еська, так я называла брата, спросил, что он здесь делает и откуда он? Мальчик сказал, что он из гетто, идти ему некуда, и поэтому он решил вернуться в гетто. Брат предложил мальчику идти с нами к партизанам. Тот согласился, и мы вместе пошли к металлической свалке около Бетонного моста. Там уже было несколько ребят. Мы ночевали в пустом железном баке или в большой трубе — точно уже не помню. Провели мы там трое суток. Ребята, которые были посмелее, днем уходили разузнать о судьбе гетто. Возвращались они с печальными новостями: гетто ликвидировано — ликвидировано вместе с его узниками. Ощущая свое

одиночество, мы еще больше сплотились. Выход был только один — держаться вместе. На четвертые сутки рано утром всех разбудил Еська. Стоял туман — это было кстати. Мы двинулись в путь. Что ждало нас впереди?..

Иосиф решил вести к партизанам. Целой гурьбой идти было опасно, это привлекло бы внимание и немцев, и полиции. Он распределил всех детей парами, которые шли друг за другом в пределах видимости. Двигались мы по Могилевскому шоссе. Трое суток шли голодные, оборванные: днем шли, а ночь проводили в лесу. Было очень холодно — на дворе стоял октябрь. Я была среди всех самой маленькой, быстро выбилась из сил. Мальчишки по очереди несли меня на спине. Полуживые добрались до спасительной деревни Поречье Пуховичского района Минской области, до партизан.

В село пришли опухшие, завшивевшие, в коросте и язвах. И как только мы прошли сто километров до деревни? Откуда у нас взялись силы? Одному Богу известно!

С тех пор я дважды отмечаю день своего рождения: 20 декабря 1935 года, мой настоящий, и 23 октября 1943 года по дате моего спасения от неминуемой гибели в гетто. Есть у меня и еще одна дата рождения — 1 мая 1938 года, по освидетельствованию в детском доме. Для одного человека это слишком много. Но такова моя жизнь.

■■■■■■■

В деревне Поречье

Смерть узников гетто косила,
Но свет не без добрых людей!
Крестьянка ее приютила,
Рискуя и жизнью своей.
И заменила ей маму
Как Праведник Мира она.
Навеки, всегда они с нами,
Их подвиги, их имена!

В деревне, где Майю укрыли
От нелюдей, от палачей,
До нашей Победы там жили
Аж сорок еврейских детей!

М. Шабалис

Всех нас, еврейских детей, привели в большую деревянную хату. Посадили вокруг большого стола. Мы словно голодные волчата следили за каждым движением тети Гали, которой поручили нас накормить. Прямо на стол она высыпала печеную картошку. Боже, как мы хватали ее — наперегонки. За каждой упавшей со стола картофелиной мгновенно тянулись десятки детских рук. Потом на столе появилось деревянное корытце с заваренной в воде мукой. Как мы все хлебали это варево, самое вкусное, наверное, в жизни…

Собралось нас в деревне сорок еврейских детей, бежавших из минского гетто. Мы были разные по возрасту, каждый со своей трагедией. Мне было восемь лет, Мише Новодворскому и моему брату Иосифу — по тринадцать, Мише Пеккерю, Юлику Ямуну, Виле Зевину — от восьми до десяти лет. Нас всех объединяла общая судьба, судьба узников минского гетто, рано узнавших, что такое смерть. Но особенно мы оберегали Мишу

Пеккеря. В марте 1942 года во время очередного погрома его приняли за мертвого и вместе с трупами сбросили в яму. Очнувшись, он смог выползти из-под мертвых… Но потом долгое время не разговаривал…

Каждый из нас пережил свою трагедию. О себе рассказал и Миша Новодворский. Во время погрома в гетто 7 ноября 1941 года его семья и родственники укрылись в «малине», вход в которую закрыли шкафом. В дом вошли каратели. Все притаились, но неожиданно заплакала 3-летняя девочка. Ее плач привлек немцев, они ворвались в «малину». Всех погрузили в машины, повезли на окраину города, где слышались частые выстрелы. Все поняли, что производят расстрел. Люди стали выпрыгивать из машин, разбегаться. Их настигали пули. Выпрыгивая, Миша ударился головой о камни мостовой, потерял сознание. Очнувшись, окровавленный, кое-как добрался до дома.

Перед командованием партизан встал вопрос, что с нами делать. Многим нравилось предложение организовать партизанский детский дом. Но осуществить его на практике не представлялось возможным. Шла война. Зона партизан все время подвергалась нападениям карателей. Партизаны вели ожесточенные бои. Чтобы спасти нас, командование партизан обратилось за помощью к жителям деревни: предложили им разобрать детей, кто сколько может…

Мы были построены парами в колонну, и партизан И. Орлов повел нас по улице (в деревне она была одна, но очень длинная). Из дворов выходили женщины и брали детей из строя — кто одного, кто двоих, а кто и троих. Так мы обрели новых родных и близких, новый кров над головой. Мы были растеряны, почти никто не понимал, что происходит. Но все мы чувствовали, что эти люди относятся к нам с добром, что нам ничего не угрожает.

Дойдя почти до конца улицы, я увидела у калитки молодую женщину. Она прижимала к лицу платок и смотрела на меня. Это была Анастасия Зиновьевна Хурс. Она и взяла меня:

Майя у дома своей спасительницы А. Хурс в дер. Поречье. 1999 г.

обняла за плечи и повела в дом. В доме было тепло и уютно. Пахло едой, у меня закружилась голова. Настя усадила меня к столу, поставила передо мной миску с едой. Впервые за долгое время я одна ела из миски. Я ела и не наедалась. Наконец, я как-то отяжелела. Настя уложила меня на кровать: под головой у меня была подушка с белой наволочкой, укрыта я была одеялом. Я сразу заснула. Сколько спала — не помню. Проснулась и вздрогнула — где я, где Иосиф? Настя помогла мне подняться. Дала кружку молока. Сколько же сил было ею потрачено, чтобы привести меня в нормальный вид: она вычесывала вшей из моих волос, мазала на коже головы струпья, отмывала… Выстирала мою одежду, которая была поцелее, остальную дала свою. В маленьком зеркальце, что висело в комнате, я не узнавала себя. К нам приходил Иосиф, помогал Насте: тоже вычесывал из моих волос вшей. Трудно было побороть экзему: коркой были покрыты все руки. Спасибо партизанскому врачу: помогла его мазь.

Анастасия Зиновьевна Хурс, спасительница Майи. 1991 г.

Миша Пеккерь, бывший узник минского гетто. Снимок довоенный

Борис Скребник, бывший узник минского гетто. 1945 г.

Иосифа взяли к себе двое одиноких стариков. Он быстро узнал, где разместились его товарищи. Мишу Пеккеря взяла Матруна Михальчик. Ее дети Вася и Настя быстро с ним подружились, буквально от него не отходили, играли с ним, давали ему свои лучшие игрушки. Постепенно он как бы оттаял душой, стал даже улыбаться. Сеню Глайхенгауза приютили Анна и Михаил Хурсы. Василий Емельянович Хурс привел в свой дом Мишу Новодворского, а Шашок Алексей Иванович и Агриппина Афанасьевна — Серафиму Ставицкую… Жители, к которым не попали еврейские дети, помогали нам одеждой, обувью, продуктами, радовали незатейливыми подарками — своими поделками.

Я быстро освоилась, правда, первое время не отходила от Насти, боялась потерять ее. Потом стала сама бегать к ее родителям, которые жили недалеко от дочери. Они старались меня угостить чем-либо вкусным, что позволяло то время. Дедушка

брал меня на рыбалку. Вместе с Настей и бабушкой я ходила в лес по грибы и ягоды. Это было хорошим подспорьем в нашей жизни. Собирали мы и свежие сосновые и еловые почки, заваривали их и пили как чай, собирали и разные лекарственные травы для партизан. В партизанах был и муж Насти. Они поженились накануне войны.

Занимались полезным делом и другие дети. Вместе с жителями деревни мальчишки рыбачили, помогали им по хозяйству — складывали дрова, пасли скот, убирали подворья. Особенно любили ребята ходить на речную переправу, где стоял пост партизан, дежурили на пароме, перевозили партизан и местных жителей. Все они мечтали тоже стать партизанами, сражаться с немцами. Они играли в основном в войну. Ну, а мы, девочки, делали «женскую работу» — мыли посуду, кормили и поили скот… Многие из нас научились латать дыры на своей одежде, а кое-кто и вышивать «крестиком»…

Но спокойная жизнь была недолгой. На деревню постоянно нападали каратели, жгли дома, убивали людей, угоняли скот. Жители деревни убегали от карателей в лес. Он был сразу за деревней, но на пути к нему было большое болото. Укрывались мы в кустарнике. До нас доносились лай собак, крики карателей, выстрелы. Мы видели, как поднимался в небо дым, как в огне горели дома и хозяйственные постройки. Каратели бегали по окраине деревни, но в лес через болото идти не решались. Обстреливали лес издалека. Настя всегда накрывала меня собой, закрывала от пуль…

Во время одного такого «марафона» (так называли налет карателей) не успел убежать в лес Иосиф со своими хозяевами. Они были схвачены карателями и вместе с другими пореченцами угнаны в Германию. Так я потеряла брата.

Теперь у меня была только Настя.

■■■■■■■

Конец войны

> Когда я вижу еврея, я радуюсь. Радуюсь, и тут же думаю о Красной Армии. Я знаю, что не будь Красной Армии, этого еврея не было бы в живых. Ибо гитлеровский зверь прикончил бы и этого еврея…
>
> *И. Эренбург*

Однажды обычно тихая деревня Поречье вдруг ожила. Люди из домов выбежали на улицу. Все дети наперегонки кинулись к речке. Моя Настя, ее мама и отец стояли молча, вытирали слезы. Я не понимала, почему они плачут. Ведь немцев в деревне не было, никто не кричал страшного слова «марафон», означавшего «спасайся, кто может», никто не бежал в лес, спасаясь от немецких карателей.

Настя, видя мою растерянность, прижала меня к себе, гладила по голове и приговаривала: «Дождались наших!» Прозвучало новое слово «Победа!». Общее волнение охватило и меня. Я побежала за детьми. Оказалось, в деревню прибыла разведка Красной Армии, следом шли танки с красными звездами. Они остановились у реки, солдаты мыли руки, лица. Брызгались водой точно так, как играли и мы, дети. Все смеялись. Всех охватила радость. Более прыткие наши мальчишки сразу же с ними подружились. Кое-кому посчастливилось даже примерить пилотку или шлем. Бойцы расспрашивали, кто мы, откуда. Их удивило, что нас так много. А нас действительно было немало: более сорока детей, считая местных и тех, что пришли из минского гетто. Вместе мы, наверное, представляли необычное зрелище.

Танки задержались в деревне ненадолго. Их путь шел на Минск. Некоторые экипажи взяли на танки мальчишек, которые рвались в родной город. С ними уехали Миша Пеккерь, Миша Новодворский, Женя Мачез… Ушли из деревни многие девочки. Из минчан в деревне осталась я одна.

■■■■■■■

Время залечивает раны

В Тальковском детдоме

Мы детства не видели в детские годы,
По свету бродили мы, дети невзгоды.

Л. Квитко

Настя стала примерять на меня свое старенькое платье, пальто. Нашлись и какие-то туфли. Они были мне велики по размеру, но Настя подложила внутрь картон, и носить их стало вполне возможно.

Как-то вечером к нам пришел Настин отец, дед Зиновий, и мать, баба Вера. Все сели вокруг стола. Позвали меня. Разговор шел обо мне. Дед Зиновий говорил, что меня могут искать родственники, а ищут в основном по детским домам. Поэтому было решено сдать и меня в детдом. Я расплакалась, бросилась к Насте, просила оставить меня. Настя утешала меня, говорила, что не против того, чтобы я осталась. Но дед Зиновий настоял на своем. На следующий день около нашего дома остановилась телега. В дом зашел отец Насти и повел меня к телеге. Я плакала, оглядывалась. Уже сидя на телеге, я все звала Настю.

Путь наш был долгим. От деревни Поречье до станции Талька, где открылся детский дом, было тридцать пять километров, но эта дорога показалась мне вечностью.

Приехали в Тальку где-то после обеда. Дед отдал меня какой-то женщине, а сам сразу же повернул назад. Плача, я не раз вырывалась из рук незнакомой женщины, бежала вслед за дедом Зиновием, догоняла его, а он снова меня отвозил в детдом.

Детский дом размещался в двухэтажном кирпичном здании. Здесь было много детей. Но я вела себя как затравленный зверек. Забивалась в угол и плакала. В комнате, где мы спали, была печка. С ней у меня связаны очень тяжелые воспоминания. Каким-то образом у меня сохранилась фотография отца. Она намокла. Чтобы просушить ее, я положила фотографию в еще

Воспитанники детского дома №7, 5-я слева Майя, г. Минск

горячую печь, и снимок сгорел. Теперь уже ничто не согревало мое сердце. Я чувствовала себя совсем одинокой, никому не нужной.

Вокруг было много детей разного возраста. Их каждый день привозили и приводили из окрестных деревень, бродяжек по дорогам. Я жила в большой комнате, где рядами стояли железные кровати. Мы ложились и вставали по команде. Умывались во дворе. Кушали в столовой. Чаще всего ели суп из картошки, моркови, капусты, свеклы. Мяса почти не было. А у кого было лучше? Все были обездолены войной.

К нам приходили местные дети, мы вместе играли в лапту, в выбивалки. Мячи были тряпичные. Да и все игрушки были самодельные.

Местные жители разрешали своим детям играть с детдомовцами. Иногда мы заходили в их дома. Нас принимали, порой подкармливали.

Новая жизнь

Где-то в братских могилах
Великой войны
Наши детские игры
Погребены.

Безмятежные сны,
Безмятежные дни —
Мы в двенадцать забыли
Какие они…

И. Кацнельсон

Вспоминая то время, я понимаю, что именно тогда в Тальке я научилась ценить доброе отношение людей. Да что и говорить, именно с тальковского детского дома началась моя дорога в жизнь. А случилось вот что. Через два месяца моей детдомовской жизни к нам приехал офицер. О чем-то говорил с директором детского дома. Потом позвали меня. Офицер расспрашивал меня о родителях. Об их судьбе в детском доме знали. При поступлении в него я рассказала, что маму немцы повесили в гетто, в Минске. Там же погиб отец. Потом выяснилось, что он обратил внимание на мою фамилию — Левина. Оказалось, что этот офицер был адъютантом полковника Льва Новодворца, который после ранения остался в Минске, возглавил Водоканалтрест. Он искал свою семью, оставшуюся в годы войны в городе. Адъютант по его приказу объезжал детские дома в округе Минска. В Тальковском детдоме он нашел меня. Узнал и о судьбе семьи своего командира: она погибла в гетто. Лев Новодворец оказался моим родственником. Он забрал меня к себе. Так я попала в Минск. У дяди Левы я прожила около года. Когда он женился, меня снова сдали в детский дом №4 по Коллекторной улице в городе Минске.

К этому времени вернулась бабушка из эвакуации. Она все

Майя, воспитанница детского дома №7, Минск, 1951 г.

Брат Майи Иосиф. 1953 г.

время настаивала не разлучать нас с Валей, и мы обе были в детском доме.

В 1946 году произошло важное событие в моей жизни. Из Германии вернулся Иосиф. Его приезд был для нас всех большой неожиданностью. Он нашел нас с Валей в детском доме. Я узнавала и не узнавала брата. Передо мной стоял паренек, очень похожий на Иосифа, но почему-то в военной форме. На нем ладно сидела гимнастерка, сапоги казались слишком большими. Он все повторял: «Майя, Маечка! Это я, Еська!» — и теребил в руках пилотку. Он вырос, возмужал. Прижав меня к груди, тихо сказал: «Какая же ты маленькая»…

Меня давно покинула надежда увидеть брата. А он прошел через концлагерь в Германии и выжил. После освобождения концлагеря советскими войсками, его взяли в одну из воинских частей как сына полка. Обмундировали. Полковник Н. Новиков

усыновил его, а после демобилизации приехал в Минск и привез моего брата с собой. Встретив нас, сестер и бабушку, Иосиф взял на себя заботы о семье. Он поступил в фабрично-заводское училище. Часто приходил к нам в детский дом. Теперь мы были не сироты, у нас был старший брат. Вскоре Иосифа призвали в армию. Служил он на Дальнем Востоке. Встретил свою любовь. Женился и жил в Риге. Сейчас брат далеко от меня, он живет в США.

В 1947 году я пошла в школу. Учиться мне нравилось. Я старалась участвовать в спортивных соревнованиях, в художественной самодеятельности. Я была маленькой, шустрой. Дружила больше с мальчишками. Как-то в детдом пришли незнакомые люди. Нас построили, просили повернуться, поднять ногу. Оказалось, это была комиссия из хореографического училища при театре оперы и балета. Примерно из ста человек отобрали двоих — в том числе и меня. Я училась в училище где-то года два. Мне не нравилось там, и я вернулась в детский дом. Детский дом на Коллекторной улице к тому времени был закрыт. Меня поместили в другой — на улице Торговой. Этот детдом мне сразу понравился. Двухэтажное деревянное здание стояло на берегу реки Свислочь. Рядом был деревянный мост через реку, который скрипел и раскачивался, когда по нему проходили колонны. Военные и горожане шли по этому мосту в баню, куда водили и нас. Мы любили наблюдать из окон за птицами, за ледоходом. По вечерам над рекой разливался лягушачий хор. Мы, девчонки, боялись лягушек, головастиков и к воде не ходили, а мальчишки только там и пропадали.

Позже меня перевели в 7-й спецдетдом по Асоавиахимовской улице. Там находили приют дети фронтовиков. Двухэтажное кирпичное здание стояло в глубине двора. Территорию детдома окружал высокий забор. Во дворе была спортивная площадка, росли фруктовые деревья. Было у нас и свое подсобное хозяйство, огород. Мы выращивали огурцы, помидоры, морковь, картошку. Я дружила с Майей Смелькенсон, Евой Антоновой,

Воспитанники детского дома №7. Майя 2-я слева во втором ряду. Минск, 1951 г.

Майей Гимельштейн, Колей Климовым, Катей Горячко, Лидой Компанец…

Мы все очень любили воспитательницу Наталью Ивановну Коржову. Рядом с ней всегда было тепло и спокойно. Мы часто собирались в зале, садились вокруг нее, стараясь придвинуться к ней поближе, и заворожено слушали… Особенно я запомнила, как Наталья Ивановна читала нам книгу «Хижина дяди Тома». Мы дружно сопереживали героям повести, плакали над их нелегкой судьбой, забывая о своей. Утирала слезы с лица и наша воспитательница. Каким-то особым чутьем она угадывала наше настроение. И в подходящий момент находила нужные нам слова.

Любимым увлечением у меня был спорт. Я занималась художественной гимнастикой. Это и определило мою дальнейшую судьбу. И опять комиссия отобрала меня, как подающую надежды, для поступления в физкультурный техникум. Там уже училась моя подружка Катя Горячко. Она и уговорила меня ехать в Витебск.

К тому времени я окончила семь классов. В этом возрасте нас, детдомовцев, отправляли в самостоятельную жизнь.

Уезжая из детского дома, я получила на первое время все необходимое: зимнее одеяло, 2 пододеяльника, 2 простыни, 2 наволочки, ложку, вилку, нож, ботинки, туфли. Выдали и продукты.

С этим скарбом я приехала в Витебск. Сдала экзамены: диктант по русскому языку, русскую литературу, нормы по бегу, гимнастике… Я студентка!

Общежития при техникуме не было. Но администрация снимала для студентов квартиры в частном секторе. Я жила вместе с Катей в доме недалеко от техникума. Все было ново!.. Всё нравилось!.. К тому же по тому времени мы получали большую стипендию — 18 рублей. Свои личные деньги!.. Хотя мы считали себя взрослыми, но были еще детьми. Помню, получила я первую стипендию, как ею распорядиться? Ведь на нее надо было прожить целый месяц!.. Но… Но не об этом были мои мечты. Как-то я увидела обертку-«фантик» от конфеты «Мишка на севере». Боже! Какой у нее был дивный запах!.. Вот она, мечта моей жизни! Чего же медлить!.. Деньги в кармане!.. Я пошла, нет, побежала в магазин и купила целый килограмм этих конфет. Дома я забралась на свою кровать и начала есть конфеты. Я запихивала их в рот, не разжевывая, не ощущая их вкуса и запаха… Я была счастлива!.. Правда, мне досталось от Кати, и поделом — ведь жить теперь было не на что…

Четыре года учебы в техникуме пролетели незаметно. Я все больше и больше увлекалась гимнастикой. Мой труд не оставался незамеченным. Я участвовала в соревнованиях, в показательных выступлениях, ездила на сборы. Я стала более степенной, ответственной за себя и команду.

Думая о прошлом, я ловлю себя на мысли, что на моем жизненном пути встречались замечательные люди, мои путеводные звездочки.

Такой звездочкой была для меня и Алла Никитина, первый в Беларуси тренер по художественной гимнастике. Я выполнила

норматив 2-го спортивного разряда. Художественная гимнастика стала смыслом моей жизни. Но впоследствии судьба распорядилась иначе: я стала акробаткой.

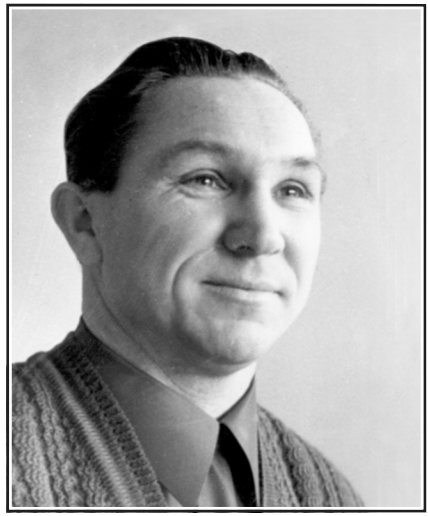
■■■

Учеба в техникуме определила всю мою дальнейшую жизнь.

Во время вступительных экзаменов я, да и многие девочки, обратили внимание на парня, который был старше нас, держался отдельно от всех и был молчалив. Звали его Игорь Крапин. Он уже отслужил армию, был уроженцем г. Щелково в Подмосковье, а служил в танковых войсках в Беларуси, в г. Бобруйске. После окончания службы командование воинской части направило его в физкультурный техникум. Как оказалось, он тоже занимался гимнастикой. В техникуме он был избран комсоргом. Он часто бывал в нашей группе. Однажды он спросил, комсомолка ли я. Я ответила, что нет. На его предложение вступить в комсомол я сразу же согласилась. На комсомольском собрании, где шел прием новых членов в ряды ВЛКСМ, я рассказала свою автобиографию. Игорь внимательно слушал. Вопросов мне никто не задавал. А после собрания он подошел ко мне с предложением заниматься с ним в паре акробатикой. Акробатика мне очень нравилась. Понравилось и его предложение. Теперь мы встречались часто на тренировках. Сначала Игорь предлагал отрабатывать простые элементы. Все у нас получалось. Постепенно мы усложняли свою программу. Я полностью доверяла Игорю. Он был для меня первым наставником. (Оказалось, что это дело для него не было новым — этим он занимался в армии.) На нас обратили внимание преподаватели техникума. Нашим тренером стал завуч техникума Леонид Ким, кореец. Под его профессиональным руководством мы быстро пошли в гору. Наша пара стала знаменитой в техникуме и вне его. Мы выступали на городских, республиканских и всесоюзных соревнованиях. Занимали высокие места, получали Почетные грамоты, переходящие кубки. Это были заслуженные награды.

Майя Левина-Крапина. 1980 г.

Муж Майи Игорь Крапин

Случилось так, что мы с Игорем проводили вместе целые дни — занятия, тренировки. Он стал провожать меня домой. Мы много говорили с ним об учебе, строили наши спортивные планы. С Игорем было легко, интересно, а главное надежно. Я не боялась делать любые трюки наверху, взлетала вверх, зная, что поддержка у меня надежная. В его руках я порхала как пушинка. Трудились мы долго, добивались эффекта легкости, так необходимого в акробатике.

Игорь был очень внимательным ко мне. Угощал конфетами. Обращался тепло и нежно с оттенком покровительства. Я полностью ему доверяла. Он опекал меня, многое прощал, но умел быть и строгим.

Мы вместе ходили в кино, гуляли по берегу Западной Двины. Витебск стал для нас родным городом. Несмотря на мое довольно раскованное поведение, при Игоре я менялась, становилась спокойней. Если не было рядом Игоря, я терялась, как бы лишившись точки опоры. Жизнь связывала нас все сильнее. И когда Игорь предложил мне стать его женой, это не

было для меня неожиданностью. Да, нам надо быть вместе!.. И вся наша дальнейшая жизнь подтвердила это. Мы поженились в 1957 году.

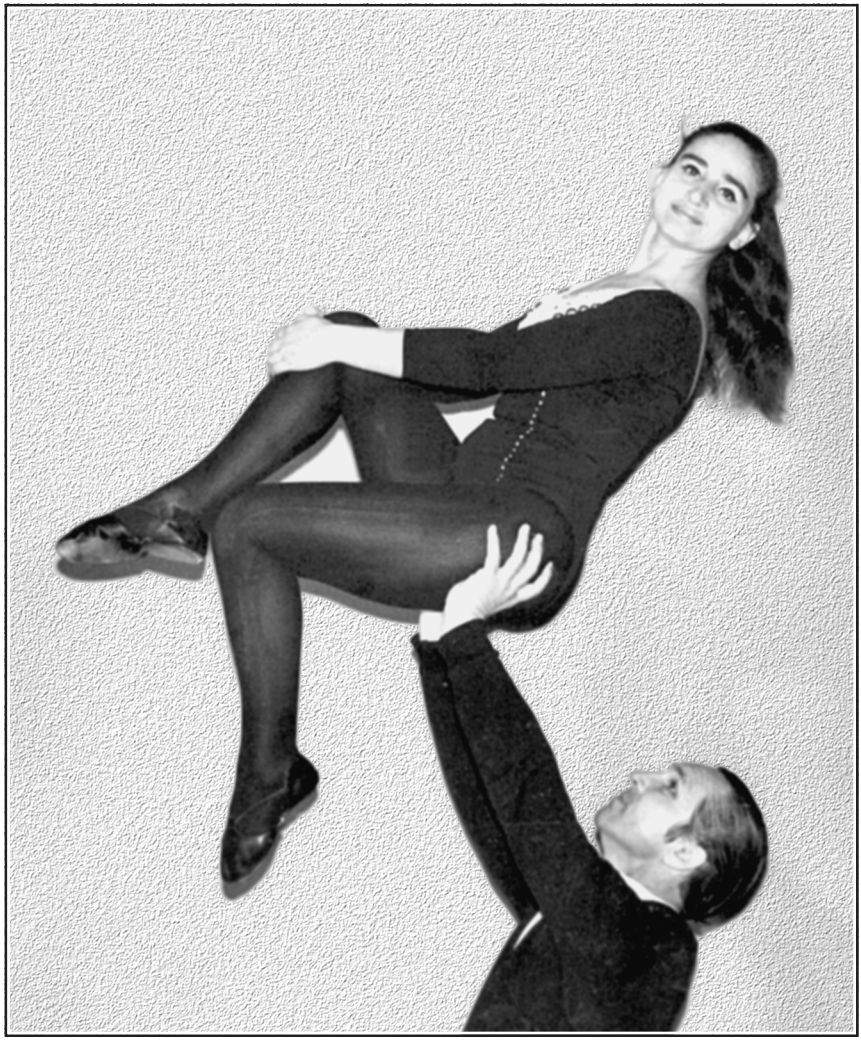
В моей судьбе произошло важное событие! Позади остались тяжелое детство, потеря родных и близких, муки и страдания, испытанные мною сполна. Я вступила в новую полосу жизни. Благодаря Игорю я оттаяла душой и сердцем и теперь шла навстречу новой жизни с уверенностью и надеждой.

Нас ничто и никогда не огорчало, если мы были вместе. И семья наша держалась на Игоре. Он всегда знал, что и когда надо сделать. С первой совместной получки мы купили мне пальто — так решил Игорь.

■■■

Сразу после окончания техникума я стала тренировать малышей в Доме пионеров в Витебске, а Игорь — в детской спортивной школе. Я помогала ему. Приятно вспомнить, что мастерами спорта, чемпионами республики, участниками международных соревнований стали наши воспитанники Коля Шамшур, Алик Либсон, Юра Метелица, Семен Бляхман и др. Заслуженными тренерами СССР стали наши ученики Владимир Швабо и Сеня Бляхман. Восьмилетней девочкой пришла к нам Лариса Петрик, занимались мы с ней два года, заложили, что называется, основы будущих ее успехов. Как мы радовались ее успехам на многих международных соревнованиях! А в 1968 году на Олимпиаде в Мехико Лариса Петрик завоевала сразу две золотые медали.

Мы с Игорем были увлечены тренерской работой, но не забывали совершенствовать и свое собственное спортивное мастерство — выступали на республиканских соревнованиях по программе мастеров. В 1960 году мы успешно выступили на первенстве СССР по акробатике во Львове (Украина). Нами был завоеван титул чемпионов страны.

Акробатический этюд в исполнении Майи и Игоря Крапиных

Этот год и стал переломным в нашей судьбе.

Нас пригласили выступать на белорусской эстраде со спортивно-акробатическими этюдами. Согласившись, мы приехали в столицу.

■■■

Филармония, вернее ее администрация, размещалась в старинном здании за Домом офицеров — тогда по проспекту им. И.В. Сталина. Там же находились репетиционный зал, зал для оркестра цимбалистов, комнаты для вокалистов. Мы с Игорем репетировали свои номера в репетиционном зале. Мы старались безупречно выступать со своими номерами, все время их усложняли. Этого требовали законы оригинального жанра. Было непросто. Трудностей прибавляла и наша учеба на заочном отделении физкультурного института. А главное — мы стали родителями. В 1958 году родилась дочь Леночка.

Майя с дочкой Леночкой. 1960 г.

Переехав в Минск, мы первое время жили у сестры Вали по 2-му Северному переулку. И только в 1963 году построили кооперативную двухкомнатную квартиру, в которой живем и сейчас.

Помню, на новоселье мы привезли мою Настю из Поречья. Мы еле уговорили ее хоть на пару дней оставить свое хозяйство.

Насте все у нас нравилось, особенно ванна. Я ее вымыла, уложила на диване, подала чай. А она смотрит на меня и смеется. «Ты что, Настя?» — спрашиваю я. Она и говорит: «Помнишь, Майя, как я тебя первый раз отмывала у себя дома на земляном полу?». Не сговариваясь, мы обе заплакали. Так и сидели, обнявшись, в слезах, и роднее нас никого не было на свете. Только Игорь и вывел нас из этого состояния. Но мы с Настей часто о том времени вспоминали.

Работа отнимала много сил и времени. Мы гастролировали по всему СССР. Выступления в концертах филармонии проходили на разных площадках — в Минске это бывало и в Доме офицеров, и во Дворце профсоюзов, и в Клубе Дзержинского, и т.д.

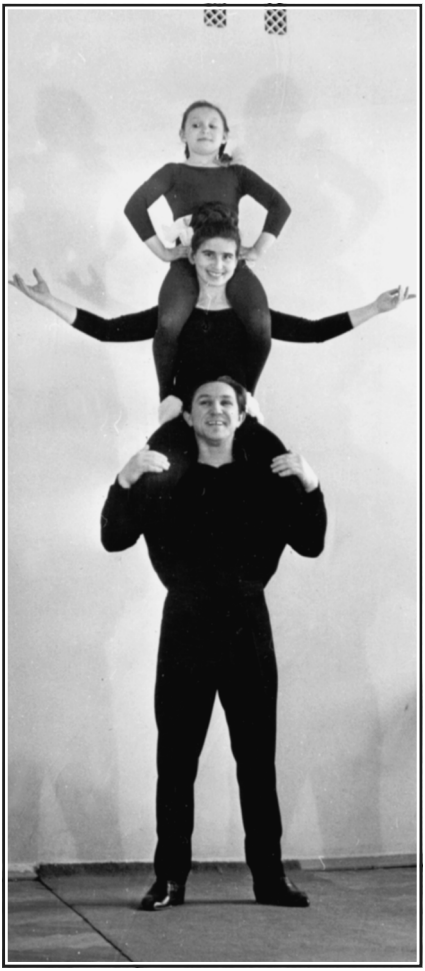
Леночку воспитывали все наши близкие и знакомые. Хорошо, что она была очень коммуникабельной девочкой, ласковой, хорошенькой. Администрация филармонии разрешала нам иногда брать ее на гастроли. К тому же такая ситуация с детьми была не только у нас. Брал с собой двоих детей руководитель ансамбля «Песняры» Владимир Мулявин, двоих детей баянист-аккордионист Миша Романович, мы свою Леночку. Это были общие дети. Кто первый отрабатывал свой номер, тот занимался всеми детьми: кормил, водил на прогулку…

Но брать с собой детей разрешалось только при поездках по республике. На период гастролей по СССР мы оставляли Леночку то у друзей, то у воспитателей из моих детских домов, а большую часть времени она проводила у родителей Игоря. Мы всем очень благодарны за это, ведь они не только присматривали за дочкой, но и следили за ее учебой. Леночка училась хорошо.

Физкультура и спорт стали нашим семейным делом. Они объединяли нас. На прогулках Игорь играл с Леночкой, учил кувыркаться, стоять на голове. Поднимал ее на вытянутой руке, как бы старался привить вкус к акробатике. Когда Леночке исполнилось десять лет, Игорь предложил взять ее в наш номер, выступать втроем. Девочка она сообразительная, да и выросла за кулисами, многому научилась. Впервые с группой артистов

Акробатический этюд в исполнении Майи и Игоря Крапиных. 1963 г.

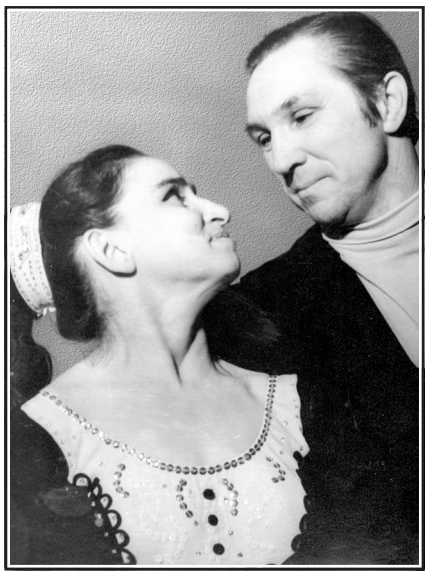

Семейное трио: Майя, Игорь, Леночка. 1968 г.

эстрады мы поехали втроем на гастроли в г. Калининград. Дочь смело взбиралась на меня, а я сидела на плечах Игоря. Она легко делала стойку на руке отца. Зрителям нравился наш номер. Нравилось выступать и Лене, но, увы! — не долго. Продолжить наше дело, чтобы оно стало семейным, она не захотела.

Окончила десять классов, поступила и закончила физкультурный институт.

Работа в филармонии шла успешно. Наши фамилии стали мелькать на афишах. Вначале афиши были очень скромными. На обычном листе белой, иногда серой бумаги размером 40×50 сантиметров крупным шрифтом синего и красного цвета печатались имена участников программы. Потом на них появились фотографии ведущих артистов, позже — всех участников. Появились афиши-плакаты об отдельных артистах. Несколько больших красочных плакатов было посвящено и нам. На них были наши с Игорем портреты и самые эффектные моменты наших выступлений. Мы как бы взлетали ввысь и парили высоко над землей. Под изображением стояла надпись: «Майя и Игорь Крапины». Видеть эти персональные афиши было в первое время страшновато, охватывало непонятное волнение, но было приятно. Казалось, я так не волновалась во время выступлений…

Всегда вместе — и дома, и на сцене. 1969 г.

Постепенно мы к ним привыкли. Их издавало Министерство культуры БССР, Белорусская государственная ордена Трудового Красного Знамени филармония, и тиражи были большими. Игорь в отличие от меня относился к афишам всегда спокойно. Как же много значило и значит для меня сегодня его спокойствие!..

Мы с благодарностью вспоминаем народного артиста Беларуси, солиста Большого академического театра оперы и балета Валерия Миронова. Он творчески помогал в постановке нашего номера.

Художественный руководитель филармонии формировал бригады из артистов разных жанров. Впервые за пределы республики артисты белорусской филармонии выехали всего через два месяца после ее организации, в сентябре 1961 года. Гастроли проходили в Грузии, в Тбилиси. Группа была небольшой и состояла в основном из молодежи. Ведущим концерта был Раф Могилевский. С белорусской музыкой грузинских зрителей познакомил квартет в составе: аккордеон — М. Романович, электрогитара — В. Шишков, контрабас — Э. Колышко и кларнет А. Шевчук. Успешно выступили вокалисты Аркадий Савченко, в будущем народный артист СССР солист оперного театра Белоруссии, Ирина Полянская, танцоры Сергей Курлаев и Надежда Родионова. Мы с Игорем выступили с акробатическим этюдом. Выступление шло в Летнем саду Грузинской филармонии. Двухчасовая программа имела большой успех.

Гастролировали мы по Уралу, Сибири, Дальнему Востоку, Сахалину, выступали в Поволжье, Черноземье, Абхазии, Аджарии, Украине, Молдавии, в республиках Средней Азии. И везде наши выступления принимались на ура. Успех окрылял, придавал сил.

Артисты жили большой дружной семьей. Мы обрели много надежных и верных друзей. Совместные гастроли сближали, учили чувствовать рядом надежную опору.

В составе гастролирующих групп были конферансье заслуженные артисты БССР Николай Шишкин и Григорий Диденко, лауреат конкурса артистов эстрады В. Синайский, Ольга Спитковская, Михаил Бакальчук, вокалисты Эдуард Мицуль, заслуженный артист БССР, Ольга Гаскарова, Василий Ковалев, Людмила Торопчина, Леван Цивцивадзе, Людмила Сигаева, Олег Чернышев, Владимир Земиров, Юрий Смирнов, танцоры Вероника Чернышева, Александр Астапчук, Мария Миронова и Альберт Кошев.

С неизменным успехом проходили выступления музыкантов: цимбалистов — малолетнего узника минского гетто Николая Шмелькина и лауреата VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве Михаила Урбановича.

Майя (2-я справа) среди участников декады белорусского искусства. Приморский край, 1972 г.

Пресса высоко оценивала выступления белорусских артистов. В многочисленных отзывах звучали добрые слова и в адрес нашего дуэта. «Четкость, пластичность, точность движений, сложные, смелые трюки» наших выступлений отмечали газеты Грузии, Абхазии, Алтая, Калининградской области. Сахалинская газета отмечала наш «высокий профессионализм, большой художественный вкус и вдохновение». В ответ на бурные аплодисменты после окончания концерта вся наша группа выходила на сцену. Мы дружно исполняли песню «Бывайце здаровы, жывіце багата», чем вызывали неописуемый восторг публики.

Особым был для нас 1965 год — год празднования 20-летия освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков. Напряженный график гастролей. И приятный для всех подарок — филармония получила постоянную прописку в новом здании по Ленинскому проспекту напротив площади Якуба Коласа. Филармония гордилась вокалистами: народным

артистом Беларуси Виктором Вуячичем, Тамарой Раевской, заслуженной артисткой БССР Нелей Богуславской и Измаилом Капланом. Был создан прославленный вокально-инструментальный ансамбль «Песняры» под руководством народного артиста СССР Владимира Мулявина. Приятно, что именно филармония предоставила возможность для создания музея в его память.

Тогда же начинал свои выступления и коллектив «Верасы». В нем выступали будущие народные артисты Беларуси Ядвига Поплавская и Александр Тиханович.

С удовольствием вспоминаю солиста балета В. Дудкевича, ныне народного артиста Беларуси, художественного руководителя Государственного ансамбля народного танца.

Участвовал в концертах молодой композитор Игорь Лученок. На его долю приходилась основная часть программы. С большой радостью восприняли мы весть о присвоении ему звания Народного артиста СССР.

В одном из концертов в Баку ведущий объявил: «Выступает восходящая звезда...» Мы все, стоявшие за кулисами, подались вперед. На сцену с противоположной стороны легкой походкой вышел высокий стройный мужчина. Это был Муслим Магомаев.

Помню гастроли 1979 года. Мы выступали в Пуховичском районе на Минщине. На концерт, который проходил в клубе деревни Селище, что рядом с моим родным Поречьем, мы привезли Анастасию Зиновьевну и других сельчан. В зале наступила тишина. На сцену вышел конферансье заслуженный артист республики Николай Шишкин. Но он не начал концерт с привычных слов о своей фамилии — зеленой, зеленой... А пригласил на сцену нашу Настеньку и рассказал о событиях в Поречье в годы войны. Мы стояли, обнявшись, и слезы сами текли из наших глаз. Вдруг на сцену вышла женщина и подала Николаю Шишкину лист бумаги. Его лицо буквально просияло. Сдерживая волнение, он объявил всему залу, что у меня родился первый внук Виталик. Это было 22 июня 1979 года. Сообщение

пришло в сельсовет по телефону. Трудно описать те чувства, которые охватили нас. Настя пригласила всех к себе в гости отметить рождение Виталика.

Мы с Игорем проработали в филармонии двадцать лет — с 1961 по 1981 год. За это время выросло наше мастерство, мы стали ведущими артистами оригинального жанра. Мы всегда ценили доброе отношение к нам Министерства культуры республики, администрации филармонии. Свидетельством тому многочисленные Почетные грамоты, адреса, благодарности.

■■■

После выхода на пенсию в 1981 году нас с Игорем пригласили во Дворец культуры железнодорожников в городе Минске. Он был только что построен, в нем налаживалась кружковая работа. Мы решили организовать студию детского цирка. Создавали ее с нуля. Принимали всех желающих. Мы с Игорем, как руководители студии, еле управлялись. Ведь дети приходили почти не подготовленные. Были среди них и талантливые, и не очень. Самые талантливые и одержимые оставались в студии, были ее костяком, оттачивали свое мастерство. Занятия с детьми превратились для нас в новое главное дело жизни, мы буквально пропадали на работе. Наш коллектив стал известен не только в Минске, но и по всему Союзу. В 1987 году я как руководитель эстрадно-циркового коллектива была удостоена Диплома I степени на VIII областном смотре-конкурсе народных театров, а также медалью лауреата второго Всесоюзного фестиваля народного творчества, посвященного 70-летию Октябрьской революции, а в 1990 году — Почетной грамотой за активное участие в мероприятиях III-го Всесоюзного фестиваля народного творчества. Особым событием было присвоение нашему коллективу «Транзит» (а именно так он назывался) звания «Народный».

Мы стали Национальным центром художественного творчества детей и молодежи. Теперь мы с Игорем квалифицировались

Космонавт П. Климук среди участников цирка «Транзит». Звездный городок, 1989 г.

Майя ведет занятия в цирковой студии Дворца культуры железнодорожников. Минск, 1983 г.

в качестве режиссеров. Наши воспитанники демонстрировали акробатические и пластические этюды, фокусы «Волшебник», выступали в акробатических дуэтах и трио, как соло-жонглеры, акробаты-эксцентрики, партерные и групповые акробаты, показывали клоунаду. За красотой и кажущейся легкостью всегда стоял большой труд акробатов и режиссеров-тренеров. Ведь в каждом номере должно присутствовать 5–8 трюков. Мы, как режиссеры, занимались и красочностью костюмов, и подбором музыкального сопровождения, и хореографией, темпо-ритмом, правильным использованием сценической площади, световым освещением, изящным реквизитом, оформлением сцены. Ведь цирковые номера должны привлекать и привлекают зрителей праздничностью, оптимизмом, поражают смелостью, ловкостью и веселым юмором.

Более ста наших питомцев выступали в Польше, Германии, Финляндии, покорив своими номерами зрителей.

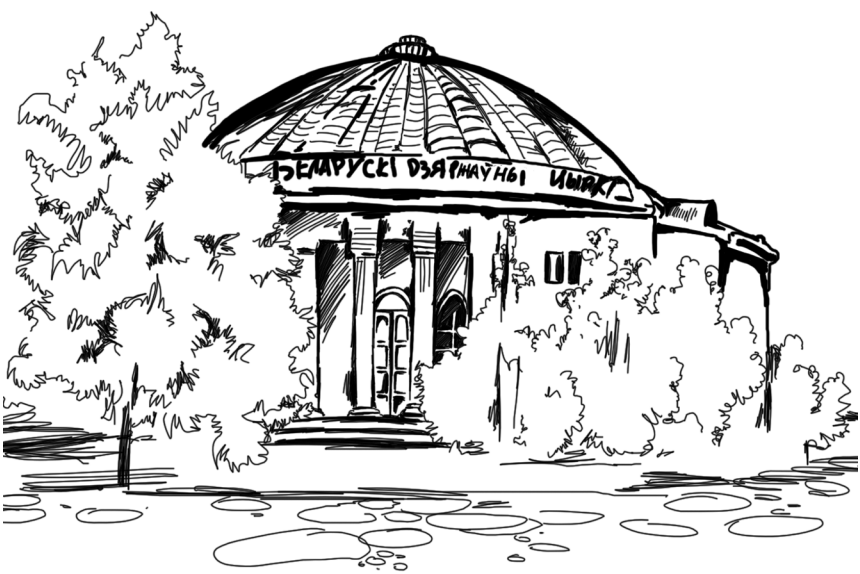
В студии мы, кроме акробатики, вели жонглирование, антипод. Многие наши студийцы поступили в Московское и Киевское цирковые училища, стали известными артистами. Сестры Мария и Света Цодиковы выступали на арене цирка на Цветном бульваре в Москве, Виктор Андрухович в Киеве. Он с большим успехом гастролировал в Японии, Англии, на Тайване.

В 2001 году в Минске отмечался 20-летний юбилей циркового коллектива, который к этому времени перешел во Дворец юности при Министерстве образования. Коллективу было присвоено вновь звание «Народного».

Игорь и теперь одержим своей работой. А я с головой ушла в новую, к которой стремилась всю жизнь, — быть нужной людям, людям одиноким, больным. Но в свободное время продолжаю помогать мужу: сказывается привычка всегда быть вместе, делать одно дело.

■■■■■■■

Мир спасает доброта

О покое и не думала

Боль в глубине души не ведает предела.
Всё чаще приступы отчаянной тоски.
Кто может эту боль вместить — живое тело?
Боль распирает грудь, рвет сердце на куски.

И. Кацнельсон

Я всегда любила общественную работу и с удовольствием ею занималась. Первым моим начинанием на этом поприще было создание общественной организации евреев республики, бывших узников фашистских концлагерей, жертв нацизма. Толчком к этой работе послужило открытие в Минске в Доме офицеров выставки художественных произведений о Варшавском гетто. Было это в 1988 году. Ее привезли из Москвы. Устроители выставки рассказали, что в Москве создана общественная организация евреев — жертв нацизма. Мы к этому известию отнеслись со всей серьезностью. Ведь в Минске и в Беларуси проживало много евреев, перенесших все тяготы гитлеровской оккупации. Было решено объединиться и нам, белорусским евреям. В инициативную группу вошли Леонид Меломед, Фрида и Алик Рейзман и я, Майя Крапина.

О создании объединения было сообщено через республиканские и местные газеты. Пошли отклики. Все поддержали эту идею. Мы вели регистрацию откликнувшихся (книга учета хранится у нас и сегодня). Уже в 1989 году состоялся I-й съезд евреев, переживших ужасы гетто. Белорусское республиканское объединение было создано. Возглавил его Феликс Липский. В совет вошли Фрида Рейзман (заместитель председателя), Яков Негневский (председатель ревизионной комиссии), я, Майя Крапина (секретарь), Леонид Меломед, Леонид Рубинштейн, Михаил Трестер, Макс Ботвинник, Розовский, Майя Радошковская и представители от областей республики.

Организация быстро росла. Она стала называться «Белорусское республиканское общественное объединение евреев — бывших узников гетто и нацистских концлагерей (БРООУГК)». С 1991 года его председателем стал Михаил Трейстер. Сейчас объединение представляет интересы около 200 человек — жертв нацизма, ветеранов и инвалидов Великой Отечественной войны — и около 500 лиц еврейской национальности, скрывавшихся на оккупированной территории. В отношении последних до сих пор ведется работа по легализации их статуса жертв Холокоста для включения в гуманитарные программы Швейцарского Фонда помощи и Федерального фонда «Память, ответственность и будущее». БРООУГК является одним из основных соучредителей, входящих в состав Международного союза евреев бывших узников фашизма. Главными направлениями в работе организации является изучение истории Холокоста в Беларуси, увековечение памяти его жертв, помощь больным и престарелым бывшим узникам гетто.

С 1994 года начало действовать Минское благотворительное объединение «Гилф» («Помощь»), официально зарегистрированное в Мингорисполкоме. «Гилф» объединил бывших узников минского гетто, нацистских концлагерей, людей, спасавших евреев в годы войны, проживавших в городе Минске. Возглавила организацию Фрида Рейзман. «Гилф» осуществляет благотворительную и просветительскую деятельность, увековечение памяти евреев, погибших в годы Второй мировой войны. Большое внимание уделяется изучению истории геноцида еврейского народа, организации выставок, лекционной и иной пропагандистской деятельности. При содействии «Гилфа» вышли документальные книги Р.А. Черноглазовой «Трагедия евреев Белоруссии в годы оккупации 1941–1944 гг.» (1-е и 2-е издание), «Юден Фрай — Свободно от евреев. Минское гетто», «Военнопленные. Kriegsgefengene. 1941–1945 гг.», «Тростенец», «Масюковщина. Шталаг–352». Созданы документальные фильмы «Узники гетто», «Яма», «Праведники Мира» (4 серии).

«Хлеб детей войны» Рисунок А. Захаренко.
Республиканская художественная выставка «Холокост глазами художника»

В 1999 году наша организация «Гилф» и «Холокост» выступили инициаторами организации выставки-конкурса молодых художников и детей республики. Назвали выставку «Холокост глазами художника». Нашу инициативу поддержал Белорусский республиканский фонд «Взаимопонимание и примирение». В организации и проведении конкурса приняли участие Администрация Президента Республики Беларусь, Белорусская еврейская община, Американский Еврейский Объединенный Распределительный Комитет «Джойнт».

В адрес фонда «Взаимопонимание и примирение» поступило много художественных работ. Их авторам было от семи до тридцати пяти лет. Были среди них и профессионалы, и начинающие художники. Специальная комиссия делала отбор работ, их оформление. Помещение для выставки предоставила галерея

современного белорусского искусства. Экспозиция вызвала большой интерес. Отрадно, что большинство посетителей представляла молодежь. Картины и рисунки экспонировались почти месяц и никого не оставили равнодушными. Мне понравились работы младшей возрастной группы, особенно «Хлеб детей войны», «Ангел-хранитель спас нас от войны». Эти рисунки обо мне, о моей судьбе. Видно и мой ангел-хранитель спас меня… Я часто разговаривала с представителями жюри выставки народным художником СССР Михаилом Савицким, народным художником Беларуси Маем Данцигом. Все были единодушны в том, что выставка удалась и затронула самые сокровенные струны души посетителей. С этой выставкой, по частям, ознакомились в разных регионах Беларуси.

«Военное детство» Рисунок Ю. Коваленок. Республиканская художественная выставка «Холокост глазами художника»

Многие мероприятия были успешными благодаря помощи Белорусского республиканского фонда «Взаимопонимание и примирение», возглавляемого Валентином Яковлевичем Герасимовым. Фонд объединил вокруг себя все общественные организации бывших жертв нацизма:

Белорусское общественное объединение бывших узников фашизма «Лёс» («Судьба»), Международное общественное объединение «Жертвы Холокоста», Белорусское общественное объединение «восточных рабочих», Белорусскую ассоциацию бывших несовершеннолетних узников фашизма, Республиканское объединение евреев — бывших узников гетто и нацистских концлагерей, Белорусскую ассоциацию цыган «Рома», Минское благотворительное общественное объединение «Гилф», Минское городское объединение бывших малолетних узников фашизма. Всех членов этих организаций объединила одна судьба…

Именно Белорусский республиканский фонд «Взаимопонимание и примирение» взял на себя заботы по подготовке документации и выплате финансовой помощи жертвам нацизма, жертвам Холокоста, выплату компенсаций евреям — бывшим узникам нацистских концлагерей, гетто, а также скрывавшимся от нацистов на оккупированной территории. Оказали помощь в этой работе и мы, бывшие узники. Основной задачей фонда «Взаимопонимание и примирение» и всех общественных организаций является служение идее примирения, объединение всех усилий, чтобы преступления против человечества не повторились. Служат этому и поездки бывших жертв нацизма в Германию, и немецких активистов — в Беларусь. Мы стараемся найти и находим общий язык. И мы, и они обрели много новых друзей.

■■■

В 1991 году я узнала, что группа женщин — Софья Абрамова, Рива Шнайдер и Анна Гуревич, помогали одиноким евреям. Сочувствие и сострадание к людям, попавшим в беду, всегда были мне близки. Это стало и моим делом. Я дала согласие работать в «Хэсэд Рахамим». К нам пришли новые люди, люди доброй души и сердца: Лена Коссовская, Раиса Гойзенпут, Лена Левитас, Людмила Найман, Фрида Брумина. Мы каждую неделю навещали одиноких и немощных людей, помогали им

Старейшие работники «Хэсэд-Рахамим» С.А. Гинзбург, Н.А. Влодавская, М.И. Крапина (справа). 2004 г.

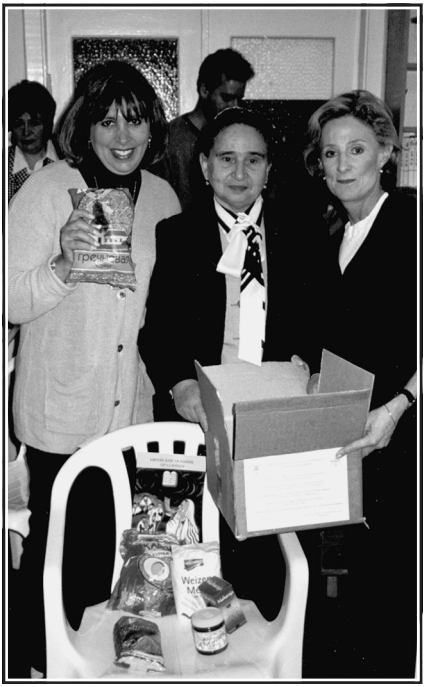
Волонтеры «Хэсэд-Рахамим» на отдыхе. 1-я спроава стоит Майя. 2005 г.

Занятия с волонтерами «Хэсэд-Рахамим». Минск, 1997 г.

Майя Крапина и ее 100-летняя подопечная Р.М. Боркан. 2006 г.

Помощь жертвам нацизма. «Хэсэд-Рахамим». Минск, 1997 г.

Елена Ковалевич — дочь Майи Крапиной, руководитель программы «Радуга»

пережить одиночество, преодолеть отчаяние. Выявляли, кому еще нужна наша помощь.

Нашу работу поддержал международный фонд помощи евреям «Джойнт». Через три года наша волонтерская группа стала общественной благотворительной организацией — Благотворительный фонд «Хэсэд-Рахамим».

В наш фонд приходили все новые энтузиасты, штат его патронажных работников значительно вырос.

На сегодняшний день заботой и вниманием «Хэсэд-Рахамим» охвачены восемь тысяч евреев, проживающих в нашей республике. Через волонтеров для нуждающихся организовано горячее питание на дому, уборка их квартир, оказание помощи больным,

обеспечение их медикаментами, инвалидными колясками и много других услуг — за что люди очень благодарны.

Для одиноких организован «Дневной центр», где они находятся на полном обеспечении.

Для реабилитации и адаптации молодых инвалидов с психоневрологическими заболеваниями работает программа «Радуга». Много сил отдают этой нелегкой работе сотрудники «Хэсэда». И обреченные люди обрели новую жизнь: они занимаются в «Хэсэде» физкультурой, научились ухаживать за собой, вести домашнее хозяйство, делать покупки в магазинах, занимаются поделками и кулинарией. Участники программы занимаются в художественной самодеятельности, для них работает театральная студия. Эта работа очень важная, она сплачивает, помогает людям раскрыть себя, почувствовать равными среди равных. Мне очень приятно, что эту работу ведет моя дочь Лена Ковалевич, она руководитель программы «Радуга».

Моя работа в «Хэсэде-Рахамим» полна хлопот и тревог, тревог за людей. С 1994 г. я куратор Центрального района города Минска, заведую отделом гуманитарной помощи. У меня много помощников, которым я очень благодарна. Особенно я благодарна директору «Хэсэд Рахамим» Софье Павловне Абрамовой — мы столько лет рядом и в беде, и в радости. Так наши начинания выросли в крупную еврейскую благотворительную организацию. Хорошие семена всегда дают хорошие всходы.

■■■■■■■

Святые люди Беларуси

Праведник — старик
В цвет луны седой
Мужественный лик
И такой земной.
В тот военный час,
Жертвуя собой,
Ты еврея спас,
Праведник святой.

Я все больше и больше задумывалась о пережитом. И всегда приходила к мысли о людях, которые разделяли трагическую судьбу попавших в беду евреев. В моих глазах это были люди с большим сердцем, ставившие интересы других людей выше своих. Это были наши спасители!.. Они спасали нас от неминуемой смерти. Сколько же было в них мужества и доброты!.. Общаясь с евреями, пережившими войну, я часто слышала от них слова благодарности в адрес жителей городов и сел Беларуси, спасших их. Да и я знала о таких людях не понаслышке. Но оказалось, что их было много. К тому времени и в Израиле велась работа по выявлению таких людей. Им присваивали высокое звание «Праведник народов мира». Их статус подтверждается Дипломом и Почетной медалью с надписью: «Спасший одного человека спасает мир».

Для меня началась новая поисковая работа. Я выявляла спасителей евреев в Беларуси. Сколько было собрано воспоминаний, написано писем по выявленным и предполагаемым адресам! И результаты были. Уже к 1997 году в нашей республике было выявлено 122 таких человека. Но сочетать работу в «Хэсэде» с поисками было непросто. К ней подключились Фрида Рейзман и жена бывшего посла Израиля в Беларуси Авива Валк.

Мы не только выявляли спасителей, но оформляли необходимые документы для отправки их в Национальный институт

памяти жертв нацизма и героев Сопротивления (Яд Ва-Шем) в Иерусалиме. Там присваивалось звание «Праведника». Сколько прошло бессонных ночей в ожидании их ответа!.. Вручение Почетной медали и Диплома Праведника мира проходило всегда в торжественной обстановке с участием Израильского посольства в Беларуси. Такие мероприятия проходили в еврейском общеобразовательном центре, институте иностранных языков при большом стечении народа, особенно молодежи. Эти мероприятия имеют большое воспитательное значение. Праведниками стали Ольга Дмитриевна Глазебная, Людмила Иосифовна Мачуленко, Анна Алексеевна Черная и ее брат Виктор, Раиса Кирилловна Семашко, Ирина Степановна Простак, Иван Иванович Бовт, Анна Сулимановна Трофимовна, Зоя Яковлевна Серова. Сегодня их по всей Беларуси более 500 человек. Поиск продолжается. К сожалению, многих уже нет в живых. Но звание «Праведника» им присуждается посмертно. Почетные медали и дипломы передаются на вечное хранение их детям и внукам. Так продолжается связь времен, событий, поколений…

При «Хэсэде-Рахамим» существует Минская группа Праведников. Они ведут большую работу среди молодежи — учат добру, отзывчивости, человеколюбию, подтверждая слова своими делами. Среди Праведников родилась программа «Теплый дом». Встречи с этими людьми проходят в их домах, в Хэсэде, других учреждениях. И везде от них исходит любовь и доброта, живительные силы жизни. Вот их имена: Бовт Иван Иванович, брат и сестра Варакса Вячеслав Викторович и Липень Тамара Викторовна, Выхота Валентина Адамовна, Глазебная Ольга Дмитриевна, Зюликова Галина Францевна, Лукьянович Светлана Никитична, Мачуленко Людмила Иосифовна, Осипова Тамара Яковлевна, сестры Поликарпович Валентина Петровна и Татьяна Петровна, Простак Ирина Степановна, Бутан Леонид Адамович, Соматес Павел Степанович, Семашко Раиса Кирилловна, Серова Зоя Яковлевна, Скуратович Ванда Илларионовна, Старовойтова Надежда Захаровна, Трофимова Анна Сулейманова,

Встреча Праведников в проекте «Теплый дом». Минск, 2000 г.

Всем есть о чем вспомнить. Минск, 1994 г.

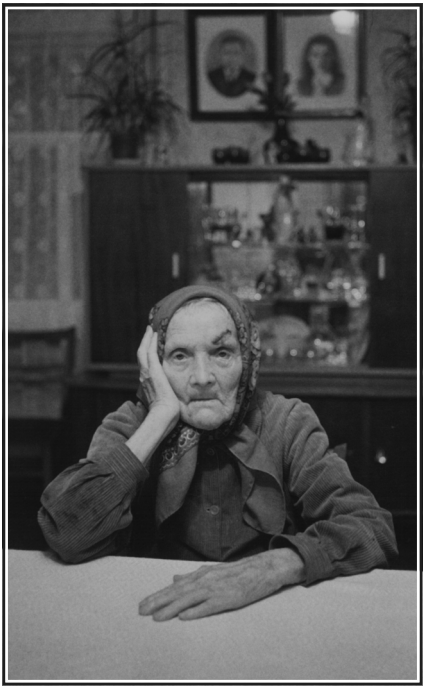
Хилькевич Инна Викторовна, Уласик Наталья Викентьевна, сестры и брат Черные Анна Алексеевна, Валентина Алексеевна и Виктор Алексеевич.

Хочется с благодарностью вспомнить нашего друга и коллегу по работе во Дворце культуры железнодорожников Анатолия Клещука. Во Дворце он возглавлял фотостудию. Большой энтузиаст своего дела. Сейчас он известный в республике фотограф и журналист. Узнав о наших поисках, он сразу предложил свою помощь. Сколько мы объехали деревень, сел, районных центров и городов!.. Сколько раскрылось удивительных человеческих судеб!.. Я не успевала записывать, а Анатолий снимал, запечатлевал на пленке лица этих удивительных людей. Их лица и глаза, от которых невозможно было оторваться, были полны спокойствия, суровости и глубокого философского понимания жизни…

Итогом наших поисков стал альбом «Праведники Беларуси». Он вышел в 2000 году при поддержке посольства государства

Вера Цуба и ее брат Павел Величко вместе с матерью Марией спасали семью Рабиновичей (3 человека) и Шепшела Кирзнера с 1942 по 1944 гг. Фото А. Клещука

Домна Глушакова спасала Сарру Клебанову и ее дочь Галину в 1941–1943 гг. Фото А. Клещука

Встреча Праведников в проекте «Теплый дом». Фото А. Клещука

Израиль в Республике Беларусь. С работой Анатолия Клещука минчане и гости столицы познакомились на его персональной выставке. На ней присутствовали и несколько Праведников.

В их адрес говорили много добрых слов, их называли героями. Для них все сказанное было громкими словами. Ведь они воспринимали свои поступки по спасению попавших в беду естественным делом, они не представляли себя равнодушными относительно попавших в беду людей.

Лично для меня все Праведники — герои. Они вступили в неравную схватку с нацизмом и победили — помешали убить людей. И делали они это не ради почестей, не ради славы, а ради жизни на земле.

■■■

Я часто наведывала свою Настю в Поречье. В первый раз это было в 1946 году, мы приехали вместе с братом. К тому времени он вернулся из Германии. Я помогала ей, чем только могла, — и продуктами и деньгами. В селе жили тогда бедно.

Настя все время работала в колхозе. Все ее очень уважали. Муж вернулся из партизан израненный, больной и вскоре умер. Настя вышла замуж за его родного брата Николая. Родила и вырастила троих детей — дочку и двух сыновей. Но она всем говорила, что у нее четверо детей, а дочери — две: одной из них была я. Настя любила, когда мы к ней приезжали с Игорем. Мы всегда старались помочь ей по хозяйству. Оставаясь у нее ночевать, мы с Настей ложились на «мою» кровать. Я прижималась к ней, и мы все говорили, говорили, говорили… Она гордилась тем, что я стала артисткой, и очень тревожилась, просила быть осторожной. Мы смеялись с Игорем. А она все серьезнее настаивала на своем. Ее тревога, заботы для меня бесценны: вот человек, которому я нужна, кто меня любит… Она все наставляла Игоря беречь меня. У нас было родное гнездо, место, куда всегда хотелось приехать.

Выступая перед туристами нашими и зарубежными, беседуя с журналистами, я всегда рассказывала о Поречье, о его добрых людях. Редактор еврейской газеты «Авив» М. Нордштейн и сотрудники Белгосмузея истории Великой Отечественной войны решили вместе с оставшимися спасенными детьми съездить в Поречье. Приехали мы в деревню целым автобусом. Из спасенных тогда были кроме меня Фрида Рейзман, Миша Пеккерь, Миша Новодворский. Своим приездом мы оживили всю деревню. Моя Настенька встретила нас караваем на рушнике. Мы пили чай у нее в доме. Пришли соседи. Журналист и музейщики не успевали записывать — все на перебой говорили каждый о себе. Уехали мы поздно вечером. В одном из ближайших номеров газеты «Авив» появился большой материал о нашей поездке в Поречье.

А.З. Хурс встречает свою Майю и гостей из Минска. 1992 г.

Майя Крапина на могиле своей спасительницы А.З. Хурс и ее мужа Николая. Фото А. Клещука

В 1994 году умерла моя Настя. Об этом мне сообщили из сельсовета. Похоронила я моего дорогого человека на сельском кладбище. Мы подзахоронили ее к мужу Николаю Григорьевичу. На их общей могиле установили памятник с надгробием из светлого камня — люди они были светлые.

Анастасия Зиновьевна была святой женщиной. Благодаря ей я живу, пишу свои воспоминания…

Не стало Насти, но в моей душе, навсегда осталась память об этой женщине. Я живу не только с благодарностью, но и с уверенностью, что жизнь на земле продолжают добрые люди. Их много. Это свое глубокое убеждение я стараюсь передать дочке, своим внукам и правнучку…

Памятник Праведникам

Приехал я как-то в Поречье,
Где [люди] спасали детей,
Участвовать в памятной встрече
В честь тамошних добрых людей.

Печально сложилась та встреча —
Спасителей многих уж нет…
Зажглись поминальные свечи,
В сердцах наших вспыхнул их свет.

Я видел, как Майя дрожала
И как утирала слезу,
Когда она вслух вспоминала
Ту Настю как маму свою…

У памятника-обелиска,
Который открыли в тот день,
Все низко склонились мы, низко
Под музыки грустную звень…

М. Шабалис

Деревня Поречье могла повторить судьбу Хатыни. Ведь каждый житель деревни, принявший еврейских детей, рисковал жизнью собственных детей, да и своей жизнью. Узнай гитлеровцы хоть об одном беглеце из гетто — и на месте деревни осталось бы одно пепелище. Подвиг пореченцев редчайший. Но даже в соседних деревнях, где знали, кого укрывают в Поречье, никто их не выдал. Никто!!!

Вопрос о памятнике в деревне мы с Фридой Рейзман обсуждали уже давно. Время шло… И мы решили, что откладывать святое дело дальше нельзя. И нас, узников, и наших спасителей

На открытии памятника Праведникам дер. Поречье. 2000 г.

с каждым днем становилось все меньше. Мы решили на собственные средства установить небольшой монумент — знак благодарности белорусским людям. Меня поддержал Игорь. Вызвался помочь в его изготовлении и установке мой внук Виталий Ковалевич.

В один из сентябрьских дней 2000 года в деревне Поречье было оживленно. Здесь собралось много людей со всей Пуховщины, приехали высокие гости из Минска. Все они почтили своим вниманием открытие памятника, увековечившего подвиг жителей деревни. Среди них были президент Союза белорусских еврейских объединений и общин Л.М. Левин, председатель Белорусского фонда «Взаимопонимание и примирение» В.Я. Герасимов, президент республиканского фонда «Холокост» А.Л. Капилов, глава представительства еврейского агентства в Республике Беларусь Камиль Борух, председатель Пуховичского районного Совета депутатов Л.С. Котова и заместитель председателя райисполкома Т.В. Щекотина. Все выступающие были единодушны в одном — подвиг жителей Поречья забыть нельзя.

На открытии памятника Праведникам дер. Поречье. 2000 г.

С большим пониманием ко всему происходившему отнесся посол Германии в Беларуси Хорст Вилькельман. Под звуки музыки с черного обелиска было снято покрывало. На нем высечена надпись: «Во время Великой Отечественной войны жители Поречья совершили подвиг, спасая еврейских детей, бежавших из минского гетто. От спасенных».

В память о спасителях-праведниках, которые не дожили до этого дня было зажжено сорок свечей — от каждого спасенного.

Глубоко в сердце запали слова выступавших: из более чем ста тысяч евреев минского гетто спаслись около трехсот, в том числе и сорок детей, укрывшихся в Поречье.

В торжественной тишине кто-то произнес:

«Надо бы всему Поречью присвоить звание

«Деревня праведников».

Работники Пуховичского райисполкома перед открытием памятника Праведникам дер. Поречье. 2000 г.

И это было бы правильно. А пока спасенные добились присвоения высокого звания «Праведник народов мира» своим спасителям.

И вот теперь еще в центре Поречья на пригорке рядом с памятником партизанам-освободителям стоит установленный нами от всей души обелиск.

Только в 90-е годы, когда не стало и многих спасителей, и спасенных ими, были оформлены документы на присвоение израильскими властями нескольким крестьянам деревни Поречье почетного звания — Праведник народов мира. Их имена увековечены в Израиле на Стене почета. Среди них и моя спасительница Анастасия Зиновьевна Хурс.

Идут годы.

Ушли из жизни почти все, кто спасал еврейских детей в годы

Бывшие малолетние узники минского гетто в гостях у Селицкой средней школы. 1999 г.

войны. Но меня тянет на эту землю. Я всегда ехала сюда с подарками. Привозила их и в местную Селицкую школу — в ней учатся правнуки тех, кому я обязана жизнью. Каждый новый учебный год здесь начинается уроком Мира. На нем обязательно присутствует кто-нибудь из спасенных узников минского гетто. Я приезжала на 75-летие школы. От «Хэсэда-Рахамим» привезла телевизор и много книг по истории и географии, художественную литературу. Ранее школе передали видеомагнитофон. С директором школы Марией Володько мы поддерживали тесные связи. Но случилась беда — недавно школа сгорела. Детей распределили по соседним школам. Но связь с Пуховичской землей продолжается. При поддержке благотворительного фонда «Хэсэд-Рахамим» сюда поступают пожертвования для детей-сирот, для малоимущих семей.

В деревне Поречье живет замечательный человек Иванов Михаил Сидорович. Партизан. Фронтовик. У него нет медали и

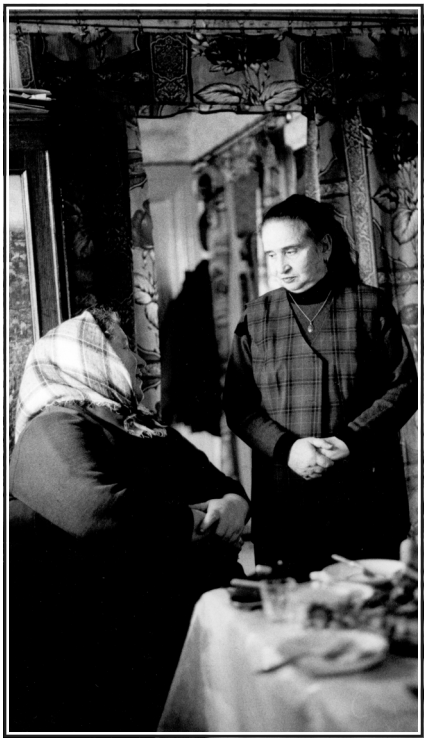
диплома «Праведника народов Мира» из-за формальностей: не осталось необходимых свидетелей. Свидетелей нет в живых, а он помнит бежавших из минского гетто узников, которых укрыл в своем доме. Он уважаемый в деревне человек: учитель труда, завуч Поречинской школы. Добрый и отзывчивый человек. Добровольно присматривает за нашим памятником. Его дом стал для нас родным, здесь нам всегда рады. Низкий поклон Вам, дорогой Михаил Сидорович.

■■■

Историей деревни Поречье в годы войны заинтересовалось и белорусское Центральное телевидение. Создали творческую группу, которую возглавила Татьяна Тимохина. Вокруг группы объединились бывшие еврейские дети из минского гетто, их спасители, историки. Мы приехали в деревню. Жители всех нас радушно встречали. Как волновался Миша Новодворский, беседуя с Василием Хурсом, который стал ему братом. Они вспоминали те далекие военные годы: как Миша появился в их доме, как супруги ухаживали за ним, старались отвлечь от пережитого. И вот теперь они, двое уже взрослых людей, снова сидели на бревнах у дома Емельяна и Кристины Хурс, как тогда, когда жил у них Миша. Это было их любимое место. На встречу с Мишей Василий приехал из Логойска, где он сейчас живет.

А мне не с кем было вспоминать мое прошлое — Настеньки уже не было. Но рассказывала я о себе, о ней, о других жителях деревни во дворе ее дома, такого родного… Все было во время тех съемок — и волнение, и слезы. Да и как без них — ведь столько пережито! Во время моего рассказа подходили сельчане. Они все знали, были всему свидетелями. И как приятно было слышать: «Молодец, Майка!» — и все говорили телевизионщикам, что я их, пореченская.

Женя Мачез не отходил от дома, в котором его приняли в 1943 году.

В гостях у жительницы дер. Поречье З. Ивановой. 2003 г. Фото Ansgar Koch

Майя и Игорь Крапины в дер. Поречье. 2003 г Фото Ansgar Koch

В поселке Святое, на окраине деревни, Фрида Рейзман обнимала бабку Паладью и ее сына Василия.

Но самый оживленный разговор состоялся в саду…

За накрытыми столами сидели постаревшие, убеленные сединами люди. Глаза их светились радостью, радостью встречи. С разных сторон только и слышно было: «А помнишь?» Оператор еле поспевал от одной группы к другой. День клонился к закату. Пора было уезжать, но расставаться с этими людьми было тяжело, и мы все тянули с отъездом…

Фильм, на мой взгляд, удался. Не случайно его часто повторяют по первой программе, программе «Лад» и СТВ.

Мы с Игорем записываем все телепередачи о минском гетто. У нас собралась уже большая фильмотека. Мы часто включаем эти кассеты. Смотрим. Как бы встречаемся с моим военным прошлым. Многие уже ушли из жизни. С каждым днем их остается все меньше.

Тем значительней каждая встреча с бывшими узниками гетто. Одна из встреч мне особенно запомнилась.

В октябре 1993 года в Минске отмечалась скорбная дата — 50-летие гибели гетто. Съехались чудом оставшиеся в живых бывшие его узники, пришли и живущие в Минске. Со многими встретились впервые. Мне запомнилась одна из таких встреч. Согласно культурной программе узники поехали в Тростенец, почтить память сотен и тысяч погибших там узников минского гетто. В автобусе передо мной сидел пожилой человек, убеленный сединами. Он разговаривал со своим соседом. Я прислушалась. Речь шла о Поречье. Говоря о своем спасении, незнакомец называл своего спасителя Иосифом, он помнил, что у Иосифа была маленькая сестра. Вместе они покинули Минск и пришли в деревню Поречье. Искренняя боль звучала в его голосе, когда он говорил о гибели Иосифа. Я тут же вмешалась в их разговор. Сообщила, что Иосиф не погиб и едет в этом же автобусе, что я — его сестра Майя. Вот это была встреча!.. Весь автобус переключился на это событие. Вспоминали, обнимались, плакали…

Так мы с братом через пятьдесят лет встретились с Борисом Сребником, тем мальчиком, одиноко сидевшим на ступеньках киоска в оккупированном Минске. Он приехал на ту встречу из Москвы.

■■■■■■■

Жизнь продолжается

Жизнь нельзя переиначить,
Написать ее сначала,
Побеждает, кто не плачет,
Кого время не сломало.

Н. Фиалко

Сегодня мы имеем широкие возможности для общения и обмена мнениями о событиях второй мировой войны касательно Беларуси. Интерес к этому периоду истории республики высок. Не случайно Дортмундский и Минский Международные образовательные центры, а также Союз белорусских еврейских организаций и общин создали Историческую мастерскую для изучения Холокоста именно в Минске. Мастерская начала свою работу с 2003 года. Расположена она в сохранившемся здании на территории бывшего гетто по улице Сухой, 25.

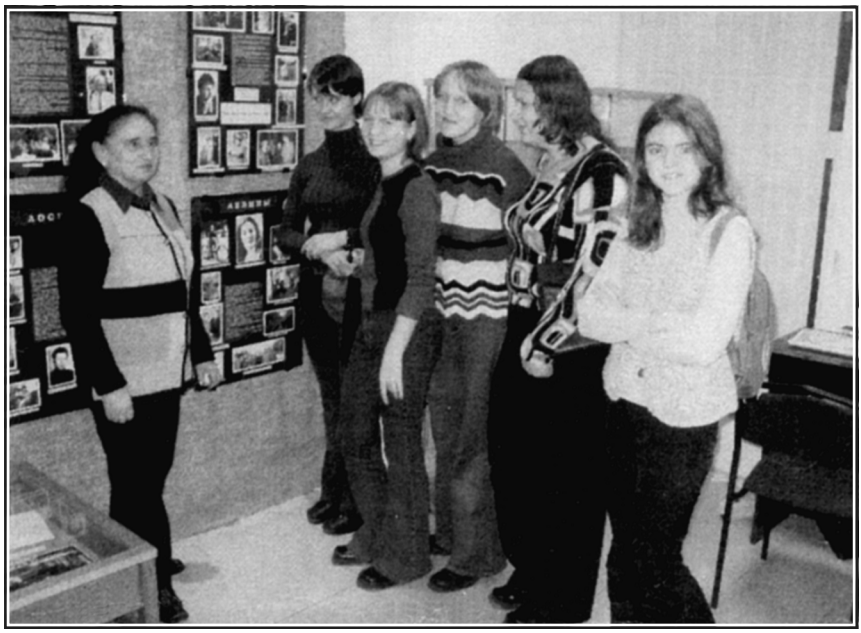
С этим домом связана потрясающая история. В годы войны здесь жил Пинкус Добин. Дом был на окраине гетто, рядом с еврейским кладбищем. Как и все узники гетто, его жильцы сделали под домом подкоп, оборудовали, как смогли, убежище. В последний погром в октябре 1943 года там укрылись двадцать человек. И в подземелье они находились вплоть до освобождения Минска частями Красной Армии — более восьми месяцев. Помогали им продуктами питания минчане, с которыми договорились укрывшиеся узники гетто. Изредка, по ночам, они выходили подышать воздухом. Выжили из них не все — только 13 человек. Об этом мне рассказал Добин. А в музее истории Великой Отечественной войны на одном из стендов выставки «Трагедия евреев Беларуси. 1941–1944» был представлен уникальный документ — медицинская карта на имя М. Гухман. Ее сын Марк рассказал на той выставке, что он с матерью прятался в доме по улице Сухой вместе с Добиным. Сидеть приходилось на

корточках. И когда пришла радостная весть, что Минск освобожден, все бросились из укрытия. А Марк выйти не смог — его ножки в коленках не разгибались. Мальчика вынесли. Его ослепил яркий свет. Мимо проезжала армейская санитарная машина. Ужасное зрелище привлекло их внимание. Марка с мамой посадили на машину и отвезли в военный госпиталь. Там и была заполнена медицинская карточка, которую Марк Гухман хранил долгие годы. Недавно Марк приезжал в Минск (он живет в США), наведал место своих страданий и своего спасения. Я как раз вела экскурсию по местам минского гетто. Он внимательно слушал. Уходя, поблагодарил меня за интересный рассказ, за память о нем и о его маме. Выжившие Гимельштейн Рахиль и ее сын Фима, Борис Добин, сын Пинкуса Добина, никогда не рассказывали о своей трагедии. Интересно, что я жила с Фимой Гимельштейном в одном доме и ничего о нем не знала. Только в 90-х годах мы рассказали друг другу о себе.

Мы, узники гетто, тянемся к этому дому. Участвуем во всех мероприятиях Исторической мастерской: конференциях, круглых столах, дискуссиях, презентациях книг. Мы делимся своими воспоминаниями о пережитом. Встречаемся с нашими и немецкими студентами. Мы благодарны руководителю мастерской К. Козаку за его столь нужную и важную работу.

Мне в душу запало одно из мероприятий, которое проводилось в мастерской, — презентация книги «Немецкие евреи в Минском гетто». Автор книги — молодая немка Клара Хеккер. Она с большим чувством говорила о военных событиях в Минске, о гетто. Называла улицы гетто, дома… Я замерла. Все так и было, как рассказывала Клара Хеккер. Иногда мне хотелось остановить ее, более подробно рассказать о тех или иных событиях, очевидцем которых я была. Я вдруг отчетливо вспомнила появление в гетто немецких евреев…

…Помню, как жильцы нашего дома тихо, почти шепотом обсуждали погром в ноябре 1941 года. Первые погромы казались самыми жуткими. К таким ужасам гетто еще не привыкло. В них

Из беседы Майи Крапиной с молодежью в исторической мастерской: «Надеюсь, что жизнь будет счастливой для каждого»
Минск, 2003 г.

погибли евреи, проживавшие в домах на территории между улицами Сухой, Обувной, Республиканской и Столпецким переулком. Это происходило совсем рядом с нашим домом. Волею судьбы мы остались живы…

Неожиданно на территории недавней трагедии появились новые люди. Они сразу же начали обустраивать отведенные им жилища. Им выделили два двухэтажных кирпичных здания — бывшие школу и больницу, и прилегавшие к ним одноэтажные деревянные дома. Вновь прибывшие что-то выносили из домов (как позже выяснилось — трупы погибших во время погрома), женщины носили в ведрах воду — чистили, мыли, убирали помещения. Мужчины натягивали колючую проволоку вокруг «своей» территории. Весть о вновь прибывших быстро разнеслась по гетто. Расселение их на местах только что погибших

местных евреев вызвало к ним негативное отношение — из-за них погибло столько людей! Время подтвердило, что практически так и было, только в этом вновь прибывшие были невиновны. Да и разделяющая нас колючая проволока свидетельствовала о том, что и мы, и они — узники, жертвы нацизма. И события вскоре позволили в этом убедиться. подтвердили это.

Нам, детям, было интересно наблюдать за этими людьми, поселившимися за новой колючей проволокой. Иногда мы близко подходили к их ограде или рассматривали их с пригорка. Нас удивлял их внешний вид, поведение, непонятная для нас речь. Помню, мы сразу обратили внимание на их одежду. Запомнились две женщины в длинных юбках и белых строгих блузах. На головах у них были светлые шляпки. Для нас это было ново и необычно. Днем многие мужчины и женщины работали по домашним делам, а к вечеру одевали чистую, как нам казалось, нарядную одежду.

По утрам все собирались на площадке около здания бывшей школы и внимательно слушали выступавших. Затем по нескольку человек с большими бидонами уходили вглубь территории и через какое-то время возвращались. Их уже ждали с кастрюлями, чайниками, большими мисками. Шла раздача еды. Сами они не готовили. Раздача еды проходила тихо, очередь двигалась медленно. Этот момент для нас, детей, был особенно мучительным — нам, голодным, есть хотелось еще сильнее.

Я часто наблюдала за девочкой. Как я сейчас прикидываю, ей было лет шесть–семь. На ней было красивое платьице, туфельки с носочками. Она все время прижимала к себе куклу. Настоящую куклу! Таких игрушек у детей нашего гетто не было — мы играли с самоделками. Иногда мы встречались с девочкой взглядами. И она тут же уходила подальше от ограды. Эта девочка не хотела с нами общаться, как и взрослые из ее гетто. Ее поведение нас удивляло — ведь ничего плохого против нее мы не замышляли.

Нас вообще многое удивляло: почему таких красиво одетых

людей держат за колючей проволокой, как и нас, почему и их, и наших евреев под конвоем водят на работу, почему их и нас убивают. Мне приходилось видеть, как из их гетто на коляске вывозили трупы людей в сопровождении нескольких мужчин с лопатами. Мы незаметно следовали за ними. На еврейском кладбище сопровождавшие рыли ямы, куда сбрасывали привезенные трупы, и засыпали их землей.

Обо всем увиденном я рассказывала брату. Он объяснял мне, что эти люди привезены из Германии. Их и всех последующих называли гамбургскими евреями (первый эшелон прибыл из Гамбурга, а последующие из разных городов Германии, восточно-европейских стран). Иосиф некоторых из них знал по совместной работе. На все мои вопросы он не мог ответить, а может быть, просто не хотел отвечать. Он очень просил меня не подходить к немецким евреям. Для него главным было уберечь меня от беды.

Уже став взрослой, после войны, я стала находить ответы на многие свои вопросы. Я осознала одну общую причину наших бед и страданий — принадлежность к еврейскому народу. Это понять было почти невозможно. Жизнь порой заставляла многих менять свои имена, фамилии, пытаясь спрятаться, затаиться. А я горда тем, что никогда не отрекалась от своего народа, всегда и везде заявляла: «Я еврейка».

Невозможно понять решение нацистов уничтожить всех евреев. Всех!!! Это практически нереально. Это оказалось не под силу и гитлеровцам. Уничтожение евреев квалифицировалось ими как «окончательное решение еврейского вопроса». Евреи прошли через столько унижений и оскорблений — их называли «недочеловеками», «обременительными» и «неудобными» элементами.

И вот сейчас молодая немка — автор книги обличает преступников, переворачивает позорную страницу в истории Германии… Получив ее книгу с дарственной надписью, я пришла домой. Ни есть, ни спать я не могла. У меня было такое состояние, будто я снова побывала в том аду. Видя мое состояние, Игорь

Встреча посла ФРГ Гельмута Фрикка с бывшими узниками гетто. Минск, 2004 г.

раскрыл книгу и начал читать вслух. Ночь прошла незаметно. Лишь к утру мы перевернули последнюю страницу…

Да, нам есть о чем говорить с немцами новой Германии, мы можем понять друг друга… Так рождается взаимопонимание и примирение.

В Германии много людей, поддерживающих идею взаимопонимания и примирения. Они не только лично пытаются помочь жертвам нацизма, но и создают для этого общественные организации. Они протягивают нам руку дружбы, руку помощи, понимая, что после содеянного нацистами это делать трудно и нам, пострадавшим, и им, осознавшим содеянное их согражданами. Но движение навстречу друг другу хоть и медленно, но идет. Многие вопросы истории решаются на уровне народной дипломатии. В июне 2007 года Минск посетила группа из общества «Максимилиан-Кольбе-Верк». Это немецкая организация помощи бывшим узникам концлагерей и гетто во имя примирения.

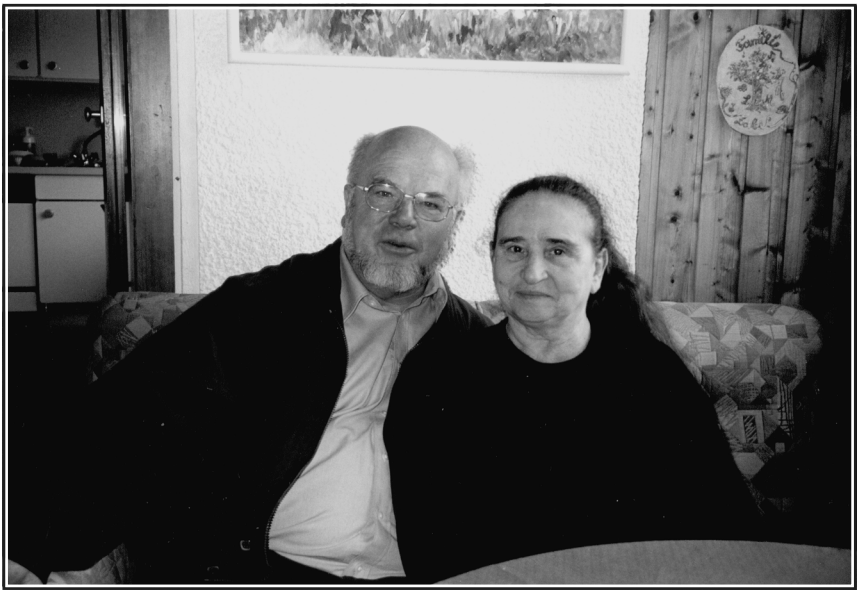
Об этом обществе я знала и ранее. Меня все время интересовало, чьим именем оно названо, почему?

Судьба этого человека трагична, героична, а главное — поучительна. Максимилиан Кольбе польский монах. В феврале 1941 года он попал в концлагерь Освенцим, став заключенным под номером 16670. Один из узников лагеря совершил побег. Это было летом 1941 года. За побег одного администрация лагеря приговорила десять узников к голодной смерти. Максимилиан Кольбе в их число не попал. Но он добровольно вызвался заменить собой узника, у которого была семья. Спасенный им узник после освобождения лагеря Советской Армией вернулся к своей семье. Имя Максимилиана Кольбе стало символом мужества и самопожертвования. Он был причислен к лику святых, его именем было названо общество, созданное отцом и дочерью Эрб — Алфонсом и Элизабет.

Общество финансируется за счет добровольных взносов немецких граждан и церковных пожертвований. Работу в нем на общественных началах ведут 80 добровольцев. Они организуют отдых жертв нацизма в Германии и странах Европы, встречи с немецкими гражданами, немецкой молодежью, занимаются распределением вещевой и денежной помощи, ищут пути для взаимопонимания и примирения. Руководитель общества «Максимилиан-Кольбе-Верк» Вольфганг Гернст в обращении к жертвам нацизма писал: «Никто не может стереть прошлое из памяти. Но от имени немецких граждан мы хотим сказать Вам, что не забыли того, какие страдания и горе причинила Вам немецкая сторона. Нашим визитом мы хотим проявить Вам наше уважение и любовь…»

Такое понимание и уважение к нашим судьбам проявляют и отдельные немецкие граждане. Я в этом убедилась, встречаясь с ними и в Беларуси, и в Германии.

На подобные мероприятия нас приглашают и в Минский международный центр, который начал работать с 1994 года. Девиз работы центра — «Взаимопонимание и Примирение». Основой

С профессором Манфредом Цабелем. Минск, 2001 г.

этого является память. В том числе наша — память евреев, бывших узников гетто… Я часто посещаю мероприятия Центра. На них мне приходится выступать, делиться воспоминаниями. После каждого такого мероприятия понимаешь, насколько они важны. На одном из них я познакомилась с профессором Манфредом Цабелем и Петером Юнге-Вентрупом. Наше знакомство произошло после того, как я рассказала о своей судьбе. Я очень волновалась — воспоминания всегда даются мне тяжело. Манфреда Цабеля не оставил равнодушным мой рассказ. Он утешил меня. Под его добрым взглядом мне стало легко и спокойно. Он излучал энергию добра и надежности. «Кто же этот человек?» — пронеслось у меня в голове. Скоро я узнала, что профессор Манфред Цабель — член правления Международного общеобразовательного центра в Дортмунде (Германия). Центр был создан в 1985 году с целью довести до широкой немецкой общественности правду о страшной прошедшей войне. Этому

В гостях у семьи Манфреда Цабеля. Германия, 2006 г.

способствовали поездки немцев в ГДР, Польшу, Советский Союз, где они своими глазами увидели еще не залеченные раны войны, пообщались с людьми, пережившими невообразимые страдания. Первая группа немцев прибыла в Минск в 1986 году. Им было что увидеть и услышать — музей истории Великой Отечественной войны, мемориальный комплекс на месте сожженной вместе с ее жителями деревни Хатынь, чью тишину нарушает лишь скорбный звон колоколов. Кажется, это перекликаются души деревень, разделивших страшную судьбу Хатыни. Все увиденное и услышанное ошеломило их и в то же время помогло глубже вникнуть в проблемы войны и мира.

Неслучайно тогда и родилась идея создать общеобразовательный центр в Минске. Так Дортмунд протянул руку дружбы Минску. Среди пятисот ежегодных программ Дортмундский центр проводит специальную программу в поддержку Беларуси. В их осуществлении принимает участие и Минский

Группа жертв нацизма из Беларуси на отдыхе в Германии. Кельн, 2005 г.

международный общеобразовательный центр, председателем правления которого является Манфред Цабель. Удивительно, что такой занятой человек обратил внимание на меня, человека простого. Сколько же в нем души, какое у него доброе сердце!.. Нашел он время, чтобы встретиться с белорусскими жертвами нацизма и во время нашего посещения Германии. Мы встречались уже как добрые друзья. Я познакомилась и с его женой, доброй, отзывчивой женщиной. Узнав о моей беде, проблемах со зрением, они организовали мне операцию. Я полностью доверилась супругам Цабель и немецким врачам. Манфред и Лиза Цабель окружили меня заботой и вниманием в послеоперационный период и в последующие приезды в Германию для консультаций. Я никогда не забуду этих дорогих для меня людей.

Не только мне помогли немецкие друзья. Сколько бывших узников гетто, концлагерей, остарбайтеров не могут без слез благодарности вспоминать их имена.

Одно из таких имен принадлежит Гизеле Мильтхаупт из Кельна, которая стала добрым ангелом для больных и немощных людей. Она присылает им лекарства, слуховые аппараты, очки… Да разве можно перечислить ее добрые дела?.. Помощь, взаимовыручка, взаимопонимание — вот пути, которые нас сближают, делают возможным примирение ради светлого будущего. Главное, чтобы никогда не было войн, несущих страдания и горе простым людям…

Супруги Крапины на мемориале «Яма». Минск, 2001 г.

Есть у нас, бывших узников гетто, и место памяти о погибших. Это мемориал «Яма». Рассказывая о ней, я поясняю, почему так назван мемориал. 2 марта 1942 года гитлеровцы устроили в минском гетто третий погром. Под удар попал юго-восточный район гетто — улицы Шпалерная, Димитрова, Татарская, Юбилейная площадь. Погром длился два дня. Людей не спасали ни укрытия, ни «малины»… В расправу попали и детский дом, и дом инвалидов. Расстрелянных в гетто закопали в бывшем карьере по Заславской улице. В 1948 году на этом месте был сооружен мемориал. В глубине ямы установлен памятник из черного

Всегда вместе: Майя и Игорь Крапины

Дочь Майи Елена с сыновьями Виталием и Юрием

мрамора, на нем на идиш и русском языке сделана надпись о трагедии евреев минского гетто в марте 1942 года. В 2001 году мемориал был дополнен стилизованными фигурами узников гетто, спускающихся по ступеням вниз, уходящих навсегда. Автор многофигурной композиции скульптор Эльза Полак из Израиля. Потрясенная страшной трагедией евреев минского гетто, она передала в дар эскиз «Уходящих» еврейской общине Беларуси. Осуществили проект скульптор Финский и архитектор Л. Левин.

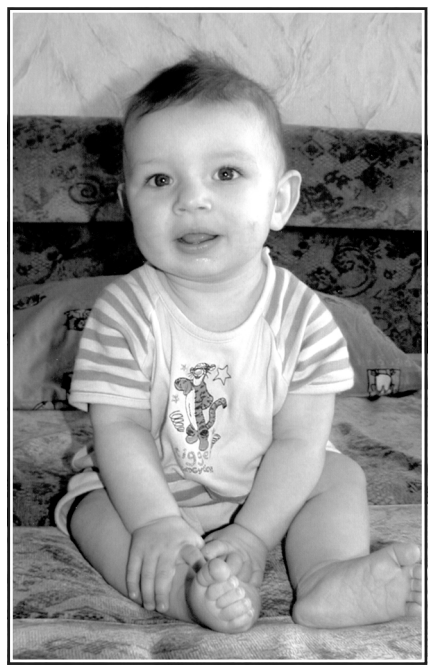
Беседуя с мужем, я не устаю повторять: «И как же я выжила?» Видно, так угодно было Всевышнему. И я благодарна ему. Благодарна за сохраненную мне жизнь, чтобы я продолжала жить обычной человеческой жизнью.

Счастлива ли я?

Да!

Счастлива!

У меня замечательный муж, моя опора, моя любовь… Моя дочь Леночка, двое внуков — Виталий и Юрий. Радость и отрада моей жизни — правнучек Даник. Ему еще нет и года. Все мы живем для него. В нем продолжение нашей жизни…

Любимец Майи правнук Даник

■■■■■■■

Приложение

Трагедия минского гетто

Историческая справка

Вторая мировая война, развязанная гитлеровской Германией, началась 1 сентября 1939 года нападением Германии на Польшу. За Польшей пали Норвегия и Дания, Бельгия и Голландия, Франция. На очереди была Англия, но Гитлер повернул войска на восток, на СССР. Характер этой войны определялся ее целями. Еще в 1936 году Гитлер направил руководителям страны меморандум с подробным изложением своих планов завоевания мирового господства. «Мы перенаселены, — заявил он, — и на собственной базе не можем обеспечить себе пропитание». Выход виделся в завоеваниях, в расширении «жизненного пространства» для немцев. Движение на Восток — идея не новая для Германии. Она являлась нацистским вариантом старой германской политики «Дранг нах Остен» («Натиск на Восток»). В наиболее полном и обобщенном виде она была изложена в генеральном плане «Ост» («Восток»). В ее основе лежали теории «жизненного пространства» и выживание «сильной», арийской расы. Главными заповедями были тезисы: «Сокруши того, кто не такой, как ты», «пространство без народа». Отсюда и стратегия войны — геноцид. Геноцид советского народа осуществлялся с первых дней войны — с 22 июня 1941 года, когда гитлеровская Германия вероломно напала на Советский Союз. Началась война, как указывал Гитлер, на уничтожение. На Востоке решался вопрос об уничтожении славян. Согласно плану «Ост», вместо уничтоженных на территории СССР и Польши 120–140 млн человек намечалось поселить 8–9 млн немцев. Включению в состав Германии и заселению немецкими колонистами подлежали территории Прибалтики, Украины, Беларуси, оккупированной части РСФСР. Территории Беларуси отводилась роль центра концентрации всех «социально опасных элементов»: сюда предусматривалось высылать и здесь уничтожать «нежелательных» лиц из Литвы, Латвии, Эстонии и ряда стран Европы.

Продвижение гитлеровских войск в глубь СССР было стремительным.

23 июня, в полдень, Минск подвергся бомбардировке немецкими самолетами. Бомбы были сброшены на товарную станцию, аэродромы в Лошице и Слепянке.

24 июня в 9 часов 40 минут налет вражеской авиации на столицу повторился. 47 самолетов сбрасывали бомбы на город. В этот же день последовали еще три налета. До 21 часа город методично бомбили вражеские самолеты.

В результате налетов противника был разрушен весь центр города, вышли из строя электроснабжение и водопровод. Жизнь в столице была парализована.

В отношении Минска немцы применили уже испытанную в Варшаве и других городах Европы тактику удара фугасными и зажигательными бомбами, которые наносили большой урон. Даже командир айнзатцгруппы «Б» А. Небе признавал факт разрушения Минска на 85 процентов именно немецкой авиацией и подтверждал, что версия уничтожения города советскими поджигателями была внедрена позже немецкой пропагандой.

Вечером и ночью 24 июня тысячи минчан покидали город. По московскому и могилевскому шоссе двигались нескончаемым потоком люди. Позади оставался Минск, зарево от пожаров в нем было видно на десятки километров.

Утром 25 июня несколько десятков немецких самолетов вновь нанесли по городу бомбовый удар.

28 июня со стороны Болотной станции в Минск вступили немецкие передовые отряды 3-й танковой группы генерала Г. Гота. 29 июня по брестскому шоссе — части 2-й танковой группы генерал-полковника Х. Гудериана. Следом появились специально подготовленные команды айнзатцгруппы «Б», в задачу которой входило наведение порядка в тылу передовых германских войск.

В Минске команда бесчинствовала с начала августа 1941 года. «На следующий день, после нашего приезда, — сообщал на допросе 28 мая 1945 года шофер при штабе группы Отто Матинога, — было арестовано 800 человек, в последующие дни — 700 евреев, 600 евреев… Все они были вывезены за город и расстреляны».

Сохранились аэрофотоснимки Минска 1941 года. Их передала в музей истории Великой Отечественной войны фрау Ингебор Мюнциг-Руеф. Ее отец в составе передовых частей вермахта занимался аэрофотосъемками в военных целях. В 1991 году с хранящихся у нее негативов отца были опубликованы снимки снятых им в 1941 году объектов в Смоленске, Воронеже, Бологое, Москве — даже Кремль. Немецкая

аэрофотосъемка зафиксировала огромные разрушения в центре Минска. Огромные разрушения в Минске отмечал В. Кубе. Он предлагал оставить в Беларуси три города — Смоленск, Бобруйск и Минск. Последний предполагалось построить заново в европейском стиле на новом месте с новым названием — «Азград» (в названии впервые использовался старославянский алфавит). Однако Гитлеру не суждено было распорядиться судьбой белорусской столицы.

Расположенный в Минске 5-тысячный гарнизон, многочисленные карательные органы, проходившие через город воинские части методично выполняли задачу по уничтожению мирного населения. Массовое уничтожение людей проводилось самыми варварскими методами и средствами: применялись расстрелы и виселицы, автомашины-душегубки, пожары, голод, холод, непосильный труд…

В начале июля 1941 года по распоряжению коменданта полевой комендатуры «для обеспечения безопасности тыловых районов, коммуникаций, предотвращения актов саботажа, выяснения трудового потенциала города» была проведена регистрация мужского населения. Всем мужчинам города в возрасте от 18 до 45 лет было приказано явиться на регистрацию в район театра оперы и балета, имея при себе военный билет и паспорт. Неявка на регистрацию каралась смертной казнью. Пришедших собирали в колонны и под конвоем уводили на Старожевское кладбище. Люди попадали под охрану немцев. Кладбище окружили грузовыми автомашинами с прожекторами, которые освещали его территорию, исключая возможность побега. Через несколько дней всех арестованных перегнали в Дрозды.

На регистрацию явились не все мужчины: некоторые по осторожности, иные по незнанию. В город возвращались беженцы, пытавшиеся эвакуироваться… К вопросу учета населения оккупационные власти возвращались неоднократно.

Вторую регистрацию минчан проводило заявочное бюро Минской городской управы. Еврейское население проходило регистрацию отдельно.

Как вспоминала бывшая узница минского гетто Е.П. Майзлес: «Почти сразу же после захвата Минска немцами был издан приказ о регистрации еврейского населения. В первый день я не пошла регистрироваться. Пошла посмотреть, как это происходит. Регистрация проходила в помещении Лесбела, в районе Кагановичского райкома партии.

Собралось много евреев. Немцы запустили в толпы евреев агитаторов. На вопросы о том, для чего проводят регистрацию, отвечали: «Нужно для того, чтобы устроить дело с питанием и определить численность населения». Многие этому поверили, и в первый же день создалась очередь для регистрации. Немцы, видя, что за один день они не проведут регистрацию, продлили ее до 25 июля»[1].

На 1 октября 1941 года в городе проживало 92 420 жителей (евреи не были учтены): 74 923 белоруса — 81,1%, русские составили 9,6%, поляки — 3,2%, украинцы — 2,6%, немцы — 1,6%, литовцы — 0,3%[2]. Всего в городе было зарегистрировано 33 национальности. 40% населения составляли мужчины, 60% — женщины. Еврейское население не учли, так как оно просто не должно было существовать.

В довоенном Минске из проживавших в нем 270 тысяч человек евреев было примерно 100 тысяч.

28 июля 1941 года в трех километрах от столицы, в Дроздах, был создан один из первых лагерей для советских граждан. Он был организован по распоряжению командующего 4-й немецкой армией генерал-фельдмаршала Клюге. Проволокой была огорожена часть территории бывшего совхоза имени Крупской. Инспектировавший лагеря для советских военнопленных на территории Беларуси министериальный советник Дорш сообщал в Берлин: «[В] Лагере, расположенном на территории размером с площадь Вильгельмплац, находится приблизительно 100 тысяч военнопленных и 40 тысяч гражданских пленных. Пленные, загнанные в это тесное пространство, едва могут пошевелиться и вынуждены оправлять естественные потребности там, где стоят… Охрана лагеря осуществлялась малочисленной командой, что возможно только при условии применения самой жестокой силы…»[3].

Согнанные люди были брошены на произвол судьбы. Вскоре оккупанты разделили территорию лагеря соответственно контингенту пленных. Разделили военнопленных, евреев, гражданских лиц. Как отмечал в докладе министериальный советник Дорш, военно-строительная организация Тодта «из числа гражданских лиц отобрала квалифицированных

1 Актуальные вопросы государства и права//Науч. тр./Мн., 1994. Вып. 4. С. 72–76.

2 Г.Д. Кнатько. Гибель минского гетто. Мн., 1999. С. 5.

3 Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941–1944: Сборник документов. Мн., 1963. С. 23–24.

рабочих и успешно использовала их на самых неотложных работах»: на обустройстве автострады Минск–Смоленск–Москва, внутренних дорог, железнодорожного хозяйства, предприятиях и т.д.

Узники лагеря подвергались жестоким наказаниям, расстрелам. Массовые расстрелы производились рядом с лагерем, в траншеях, подготовленных до войны для укладки водопроводных труб. Траншеи были 400 метров в длину, по 2,5 метра в глубину и ширину. В первые дни существования лагеря — а просуществовал он около 2–3 недель — были убиты многие представители интеллигенции еврейской национальности, командиры и политработники Красной Армии.

Трагедия еврейского населения в годы войны была частью трагедии всех жителей Беларуси. Возведенная в ранг политики государства яростная ненависть к «низшим расам», порождала по отношению к ним произвол и насилие. В разряд «низших рас» попали славяне, евреи, цыгане… Экспериментом по их ликвидации стало уничтожение евреев и цыган. Планы гитлеровцев в отношении евреев были чудовищны — уничтожить 11 миллионов[4]. К смерти были приговорены сначала евреи СССР, а потом и евреи стран Западной Европы.

Выполнение этой задачи было возложено на вермахт, гитлеровские карательные органы — СС, полицию, оперативные группы… И они ее выполняли. По мере продвижения германских войск на Восток в их тылу шло уничтожение евреев под предлогом ликвидации «нежелательных элементов». Часть евреев убивали, других — загоняли в гетто. Более ста населенных пунктов республики связаны с трагедией еврейского населения. Самым крупным гетто на территории Беларуси было минское.

19 июля 1941 года в Минске состоялось совещание командующего тылом группы армий Центр генерала Шенкендорфа и высшего начальника СС и полиции генерального округа Беларуси генерала Ценнера. Обсуждали вопросы взаимодействия в уничтожении евреев[5]. В этот же день комендант полевой полиции Минска подписал распоряжение №4 о создании в Минске гетто. На протяжении пяти суток евреи переселялись в отведенный для их жительства район в северо-западной части города. В него входили 40 улиц и переулков — от Немиги до Заславской улицы. Центром гетто являлись Юбилейная площадь (Шклафн-плац —

4 СС в действии: Документы о преступлениях СС. М., 1960. С. 147–155.

5 НАРБ, ф. 4683, оп. 3, д. 1065, л. 87–88.

площадь рабов) и Юбилейный рынок. Сбор для переселения проходил на площади Свободы. При входе на улицу Революционную со стороны площади шла регистрация евреев, им определялись дома для поселения. В дом, а порой и в комнату, вселялось по нескольку семей. За 5 дней переселить евреев в гетто не удалось. Переселение продолжалось до сентября 1941 года. Гетто было окружено колючей проволокой. Вход и выход из него осуществлялся через пропускные пункты на улицах Опанского, Островского и Республиканской. Внутри гетто делилось на 5 жилых частей, в которых находились 272 дома[6].

Управлялось гетто немецким комендантом (начальником гетто), а также созданными под руководством оккупантов так называемыми органами «самоуправления» — советом старейшин (юденратом) и еврейской полицией (службой порядка). Юденрат был посредником между оккупантами и населением гетто. Председателями юденрата в разное время были Илья Мушкин, Е. Иоффе, М. Эпштейн. В юденрате имелись отделы труда, обеспечения, опеки, паспортный, пожарный, служба охраны порядка (полиция). Отделы возглавляли М. Зоров, Г. Рудицер, И. Дольский. При юденрате работала хлебопекарня, мастерские — швейная, сапожная, шляпочная, мыловарня, веревочная. По приказу немецких властей они изготовляли для немцев одежду, обувь, белье, теплые головные уборы… Заведовал мастерскими М. Гольдин.

На проведение переселения и другие мероприятия (а по существу — просто для ограбления людей) на гетто была наложена контрибуция — денежный сбор в размере 30 000 червонцев. Сбор контрибуции и передачу ее немецким властям осуществлял юденрат. Для поддержания порядка, исполнения распоряжений оккупационных властей в гетто из числа узников была создана полиция в количестве 200 человек[7]. Руководил ею Зяма Серебрянский. Оперативную группу полиции возглавлял Эпштейн, сторожевую охрану — Левин. В качестве отличительного знака полицейские гетто носили на рукаве белую повязку с шестиконечной звездой. Они были вооружены резиновыми дубинками и палками. В полицию шли по разным причинам: одни по убеждению, другие, чтобы сохранить себе жизнь. Население гетто судило о них по их отношению к своим согражданам.

Еврейская полиция охраняла улицы, а также вход и выход из гетто, производила изъятие вещей, организовывала облавы для отправки людей

6 НАРБ, ф. 370, оп. 1, д. 473, л. 18–31. 7 НАРБ, ф. 4, оп. 33а, д. 645. л. 63.

на работу, помогала оккупантам во время погромов. Возле помещения юденрата был установлен «позорный столб» для лиц, уклонявшихся от выхода на работу. Провинившиеся наказывались плетью на виду у всех.

По распоряжению еврейского отдела минского городского комиссариата юденратом была проведена регистрация еврейского населения. Всего евреев оказалось около 80 тысяч человек. Все они были разделены на трудоспособных, из которых создавались рабочие команды для выполнения принудительной трудовой повинности, и иждивенцев — стариков, детей, инвалидов…

Вопросами использования евреев на работах занималась биржа труда, располагавшаяся рядом с юденратом.

В гетто работали две больницы. Медработники носили белую нарукавную повязку с красным крестом. С риском для жизни они скрывали случаи заболевания тифом, чтобы спасти гетто от уничтожения. А инфекционных болезней было много: в гетто была большая скученность людей, не было бань, электричества, не работал водопровод. Для приготовления еды и питья часто использовался снег.

Евреи подлежали обязательной трудовой повинности — мужчины в возрасте 14–60 лет, женщины — 16–50 лет[8]. Отношение к использованию еврейской рабочей силы в немецких ведомствах было неоднозначным.

Будучи уверенным в скором окончании войны, гитлеровское руководство вначале запрещало использование услуг евреев. Эту точку зрения разделяло и командование вермахта. Первоначально еврейские рабочие команды использовались на расчистке улиц, разборке разрушенных домов и т.д. События на фронте, удаленность фронта от Германии заставили немецкое руководство использовать трудоспособных евреев в своих интересах. Рабочие команды конвоировались к местам работы — на товарную станцию, главный вокзал, погрузочную платформу «Восток», склады, мастерские по ремонту авиационных двигателей, мастерские автомобильной бригады, заводы им. Октябрьской революции, им. Кирова и др.

Приказом от 27 июня 1942 года в гетто вводились дополнительные отличительные знаки: прямоугольники красного цвета для работоспособных и зеленого — для иждивенцев и неработающих. Одновременно с дополнительной маркировкой специалистов с семьями переселяли в отдельные районы гетто. Это было лишь отсрочкой от неминуемой

8 ГАМО, ф. 623, оп. 2, д. 1, л. 185–186.

гибели. Отдельные трудовые команды с семьями оставались на своих рабочих объектах длительное время. С 1941 года трудовая команда из гетто находилась на радиозаводе. Погибавших там узников заменяли новыми жертвами. Были в этой команде и депортированные евреи из Германии и Чехословакии.

До двух с половиной тысяч человек содержалось в концлагере по улице Широкая, среди них было много евреев из минского гетто. Они разделили судьбу всех узников концлагеря.

Истребление евреев началось с первых дней оккупации республики и велось повсеместно. Изоляция евреев от местного населения, принудительное заключение их в гетто было лишь этапом на пути к тотальному их уничтожению. До весны 1942 года из 80 тысяч узников гетто были убиты 50 тысяч[9]. Убийства в гетто сопровождались погромами. 7 ноября 1941 года, в первый погром, погибли до 13 тысяч человек[10], проживавших на улицах Островского, Республиканской, Шевченко, Немига, Хлебной. О том, как проходил погром 7 ноября 1941 года вспоминала Бася Левина: «…В три часа ночи появились крытые машины. Одна из них остановилась около нашего дома. Приоткрыли ставни. В дом не заходили. Кричали: «Выходи!» Многие думали, что вызывают на работу и брали хлеб в карман… За осень так обломали заборы, что было далеко видно… Со всех дворов тащат людей. Одну больную женщину несли в одеяле, другую вели… Собрали всех во двор, ставили в четыре ряда. Отпускали лишь тех, у кого были справки о работе в гетто. Остальных погнали на Юбилейную площадь. Там уже грузили согнанных людей на машины и куда-то увозили. Так продолжалось четыре-пять часов… Люди шли молча, помогали друг другу сесть в машину. Было какое-то тупое безумие. Дети забраться в машину не могли, их туда забрасывали. Забросили и больную женщину в одеяле. Один калека приехал на коляске. Коляску отбросили в сторону, а его в машину…»

Отправляемым на машинах насильно вручали красные флаги, их заставляли петь «Интернационал», желая показать этим, что люди будут расстреляны за попытку организовать демонстрацию по случаю советского праздника. «…В полдень, — далее вспоминала Бася Левина, — вдруг объявили, что будут проверять документы — кто где работает… В пять часов вечера собранных евреев погнали в колонне к комитету

9 НАРБ, ф. 861, оп. 1, д. 1, л. 2. 10 НАРБ, ф. 750, оп. 1, д. 111, л. 163–172.

(юденрату). На этот раз нас гнала еврейская полиция. Все с бумажками в руках. Начало темнеть. У комитета стояли 6–7 немцев. Все стараются пробраться к ним ближе, суют документы, а те отмахиваются. Колонну в триста человек повели по Кальварийской улице… Навстречу шла колонна евреев с работы. Обе колонны смешались, но дубинками их скоро разделили. Во время суматохи некоторым удалось бежать. Убежала и я… Женщина — хозяйка дома — открыла дверь, и мы, бежавшие, вошли в дом. В нем было укрытие. Неожиданно оттуда вышли человек 35 и предложили нам уйти. Но хозяйка нас приютила… Утром я ушла в гетто. Вокруг горели дома…»[11].

20 ноября 1941 года последовал второй погром. 7 тысяч узников были расстреляны в Тучинке и на еврейском кладбище[11]. Погром охватил улицы Замковую, Подзамковую, Зеленую, Санитарную и другие. Опять выгоняли людей из домов, строили в колонны и гнали в Тучинку. Там уже были вырыты большие ямы, заготовлена известь. Расстрелянных пересыпали известью. Таким образом была освобождена территория для расселения евреев, депортированных из Чехословакии.

Третий погром разразился 2–3 марта 1942 года, во время его проведения погибло 3412 евреев с улиц Татарской, Шпалерной и Юбилейной площади[12]. Трупы погибших были зарыты в бывшем карьере по Заславской улице. Часть узников, возвращавшихся с работы, погрузили в эшелон и отправили в сторону Дзержинска, где и расстреляли. Во время третьего погрома погибли детский дом и дом инвалидов. После каждого погрома гитлеровцы успокаивали население гетто.

На четвертый день после той бойни в гетто приехал В. Кубе. Как вспоминал бывший узник минского гетто Ю. Тайц[13], В. Кубе успокаивал оставшихся в живых, говоря, что погром дело рук не немцев, а местной полиции. Он раздавал детям конфеты и обещал открыть новый детский дом, в то время как прежний вместе с детьми и персоналом повели на расстрел…

Погром, начавшийся 23 мая 1942 года, продолжался четверо суток. Обреченных людей в душегубках увозили в Тростенец. Не было покоя узникам гетто и между погромами. Ночные и дневные облавы следовали одна за другой. 28 июля 1942 года, после ухода из гетто рабочих

11 НАРБ, ф. 4683, оп. 3, д. 975, л. 218.
12 НАРБ, ф. 4, оп. 29, д. 112, л. 497.
13 НАРБ, ф. 750, оп. 1, д. 111, л. 62–69.

команд, там начался очередной погром. Жителей гетто согнали на площадь к юденрату. Заталкивали по 50–60 человек в душегубки и отвозили к заранее подготовленным траншеям в урочище Благовщина около деревни Малый Тростенец. В гетто шла кровавая резня. В тот день погибли 8794 человека[14].

Если предыдущие погромы проводились в отдельных районах гетто, то четвертый охватил буквально всю территорию. Душегубки без устали курсировали между гетто и районом у деревни Малый Тростенец. Всего за четыре дня погибло более 20 тысяч узников. Бывший узник гетто Мордух Кац после войны свидетельствовал[15]: «Самый страшный погром произошел 28 июля 1942 года. Когда мужчины ушли на работу, в гетто явились немцы и предложили оставшимся евреям (в основном женщинам и детям) собраться на площади для получения новых лат. Собравшихся на площади частью убили на месте, частью увезли убивать за город… Нас, работавших, в эти дни, в гетто не пропускали. Тогда я потерял свою семью. Немцы убили мою жену Фаю Лейбовну, 27 лет, сына Элю, 10 лет, дочь Берту, 2,5 года».

В октябре 1943 года погибло все минское гетто.

Для спасения узники в гетто делали схроны («малины»). Это мог быть промежуток между основной и пристроенной стенами, укрытия в подвалах, печах и т.д. «Малину» построила и семья С. Добина под своим домом по улице Сухой до еврейского кладбища. Рассчитывали на свою семью. Договорились со знакомыми из русского района города о помощи продуктами. Но когда начался погром, в это убежище набилось больше. В этом укрытии евреи прятались до 3 июля 1944 года. Лишь по ночам выходили подышать воздухом, взять продукты, вынести нечистоты.

Среди укрывшихся были мать и сын Гухманы. Мальчику было пять–шесть лет. От сидения на корточках он не мог распрямить ножки. Когда их увидели вступившие 3 июля 1944 года в Минск советские воины, они были шокированы их видом. Самые слабые, в том числе и мать с сыном Гухманы, были помещены в военный госпиталь. В музее истории Великой Отечественной войны хранятся их истории болезни с описанием этой трагедии.

Минское гетто было интернациональным. Здесь содержались и погибли свыше 20 тысяч евреев, привезенных в Минск со многих стран

14 НАРБ, ф. 750, оп. 1, д. 111, л. 62–69.

15 Белорусская нива. 2001. 23 октября.

Центральной Европы — Германии, Венгрии, Чехословакии, Польши, Австрии…

Первый транспорт с немецкими евреями из Гамбурга прибыл 11 ноября 1941 года. Их разместили в той части гетто, где прошел погром 7 ноября.

Бывший узник минского гетто Юрий Тайц вспоминал: «…Я видел, как по улице Республиканской вели колонну немецких евреев. Они только прибыли в Минск. Их привезли сюда обманным путем, говоря, что якобы везут в Израиль. По улице, кроме меня, шли еще прохожие. Вдруг гамбургские евреи стали кричать прохожим «Шалом алейхем». Как и у местных евреев, у них на одежде были пришиты желтые знаки — шестиугольная звезда («Щит Давида»). Их знаки были отличны от наших знаков. У евреев нашего гетто были просто желтые кружки, прикрепленные слева на груди и спине… Гамбургские евреи имели право ходить только по Сухой и Обувной улицам… Между местными и гамбургскими евреями враждебного отношения не было, но и дружественного тоже…»[16]

Депортированный из Гамбурга Хайнц Розенберг[17] вспоминал: «…Сотни трупов покрывали землю. Повсюду была кровь, и на печах и на столах еще стояла еда. Во всех помещениях царил полнейший беспорядок. Нельзя было найти ни единой души».

Содержали их изолировано от местных евреев в так называемых «зондергетто» №1 и №2 в районе улиц Республиканской, Сухой, Обувной, Замковой и Димитрова. Условия жизни в обоих гетто было столь же ужасны, как и в гетто для местных евреев. Комиссар криминальной полиции оберштурмфюрер Буркхарт отмечал, что в минском гетто на 1942 год содержались 7000 евреев[18]. Более тысячи из них были больны дизентерией, обморожениями, конъюктивными воспалениями глаз, пневмонией, гриппом, ревматизмом… Аналогичными заболевания были распространены и среди местных евреев.

Умирали они от болезней, во время погромов, расстрелов. Расстрел 30 беременных женщин поверг в шок узников зондергетто №1. Мужчины отнесли трупы на кладбище.

Люди страдали от постоянных поборов. Так в январе 1942 года в

16 НАРБ, ф. 4683, оп. 3, д. 837, л. 107–108.

17 Лагер смерці Трасцянец 1941–1944: памяці ахвяр нацызму ў Беларусі. Мн., 2005. С. 28–60.

18 НАРБ, ф. 4683, оп. 3, д. 975, л. 218.

зондер-гетто было собрано 329 пальто, 159 жакетов, 300 муфт, 2146 меховых воротников, 100 меховых шапок, 128 изделий из меха, 440 воротников[17].

Многие транспорты миновали минское гетто, после выгрузки людей сразу увозили к местам уничтожения — в Тростенец, Койданово… Многие верили, что едут в город Благое, что их задача — освоение восточных территорий, завоеванных германской армией. Депортированных разгружали около лагеря. Их встречала его охрана. Велась регистрация прибывших, выдавались квитанции на багаж, который якобы доставят на место. Но доставлялся багаж на немецкие склады, а прибывших отвозили к ямам, где и расстреливали.

Все трудоспособное население гетто, как местные, так и депортированные, принудительно использовались на разных работах…

Основной поток евреев из Европы пришелся на 1942 год. Движение транспортов было строго регламентировано, расписано железнодорожными службами буквально по минутам. В каждом транспорте перевозилось до тысячи узников.

Перевозка по территории европейских стран производилась в пассажирских вагонах до станции Волковыск (Беларусь), а там узников пересаживали в товарняки и везли до Вильнюса, Риги, Минска, Дзержинска и других мест уничтожения.

Люди ехали на Восток, якобы налаживать жизнь на оккупированных территориях, а попадали в места, откуда не было возврата. Только в отчете о боевой деятельности оперативной группы унтершарфюрера СС Арльта сообщалось об уничтожении 24 июля 1942 года 1000 евреев из Германии, 29 июля — 3000 немецких евреев. Свыше 6000 человек — узников Терезинского гетто — погибли от рук гитлеровцев. Они были привезены в Беларусь шестью транспортами — 21, 30 октября 1941 года, 20, 27 июля и 2 октября 1942 года, 15 января 1943 года[19].

Несмотря на жестокий террор и насилие в гетто было организовано и действовало антифашистское подполье. Подпольные группы действовали по месту работы и в самом гетто. Их было более двадцати. Организаторами и руководителями антифашистских групп были узники гетто М. Екельчик, М. Гебелев, Г. Смоляр, В.С. Лосик, З. Окунь, М. Каган, С.Х. Левина, Р.А. Липская и др. Главной задачей подпольщиков было

19 Бундесархив, VCC. 155/III, O.C.C. 12/1. I с/л., л. 6.

спасение жителей гетто, сбор оружия, пошив одежды для партизан. Среди узников активно велась пропагандистская работа. Подполье в гетто действовало совместно с городским подпольем через связных И.П. Казинца, Н.Е. Герасименко, М.Б. Осипову, Г.В. Суслову и др. Вместе они оборудовали в гетто подпольную типографию по ул. Островского, 7. Созданные в окрестностях Минска партизанские отряды и группы пополнялись выходцами из города, в том числе из гетто. Бежавшие из гетто и сами организовывали партизанские отряды — И.А. Лапидус, Н.Л. Фельдман, Ш. Зорин и др.

Проводниками групп из гетто к партизанам были Ф. Шедлецкий, В. Рубежин, Б. Хаймович, Л. Лосик, И. Левин и др. Бежали из гетто в одиночку, группами, семьями. О своем побеге вспоминала Майя Абрамович. Побег был дерзкий. По пути к месту расстрела две женщины спустили с машины своих детей и спрыгнули сами. За ними последовала и Майя. Сначала их укрывал лес, потом жители деревень.

Спасали евреев-узников гетто минчане и многие жители республики. Расстрелы еврейского населения вызывали возмущение основной массы местных жителей. Об этом свидетельствует признание самих гитлеровцев. Так в сводке №43 полиции безопасности и СД за 21–31 июля 1941 года отмечалось, что «в Минске не наблюдается ярко выраженный антисемитизм». Гитлеровцы продолжали массовые репрессии своими силами с привлечением коллаборантов из Литвы, Латвии, Украины[20].

С риском для жизни своих семей, родных и близких местные жители укрывали бежавших, выводили из города к партизанам, к надежным людям. «Праведник мира» стало почетным званием тех, кто в годы войны проявил мужество и человеческое достоинство, спасая попавших в беду людей.

Праведниками были не только отдельные люди, но и целые деревни. Особое место в этом ряду занимает деревня Поречье Пуховичского района Минской области. Перед последним, октябрьским 1943 года погромом, предчувствуя беду, уцелевшие узники убегали, кто куда мог. Убегали и дети. «Выходили из гетто по 15–16 человек, — вспоминает Майя Крапина[21]. — Нашу группу вел мой брат Иосиф Левин. Он для меня заменил всю семью, погибшую в гетто. Мою маму повесили около

20 НАРБ, ф. 4683, оп. 3, д. 943, л. 115.

21 Judenfrei! Свободно от евреев! История минского гетто в документах. Мн., 1999. С. 205–206.

юденрата. Шли в деревню Поречье, где были партизаны. В этой деревне собралось около сорока детей из минского гетто. Партизаны решили создать в лесу детский дом. Но сделать это оказалось невозможно. Шла война, постоянные карательные операции, партизаны находились в постоянных походах, боях. Обратились за помощью к жителям деревни, они приютили детей в своих семьях».

3 июля 1944 года через деревню Поречье к Минску прошли советские танки. Многие мальчишки вместе с танкистами вернулись в Минск. Кого из детей нашли родные, кого определили в детские дома. Такова была судьба детей войны.

По инициативе спасенной в Поречье Майи Левиной-Крапиной в Беларуси начался поиск людей, спасавших в годы войны евреев. В республике их насчитывается свыше пятисот человек. Всем им израильским правительством присвоено почетное звание «Праведник мира» с вручением Почетного Диплома и памятной медали со словами из Библии: «Спасший одну жизнь, спасает целый мир». На праведниках держится мир. Многих из них уже нет в живых.

Местами массового уничтожения евреев Минска были Дрозды, еврейское и Кальварийское кладбища, Тучинка, кирпичные заводы №1 и №2, район около деревень Малый и Большой Тростенец (ныне территория г. Минска). В историческую литературу последнее место вошло как концлагерь М. Тростенец. Очевидно, правильнее квалифицировать его как территорию уничтожения людей в период немецко-фашистской оккупации. Эта территория располагалась юго-восточнее Минска по обеим сторонам Могилевского шоссе рядом с деревнями Большой и Малый Тростенец, включая окрестные сельскохозяйственные угодья и урочища Благовщину и Шашковку.

К осени 1941 года в урочище Благовщина (в годы войны это место находилось в 10–11 км от города) на месте вырубленного перелеска оккупанты начали готовить гигантский могильник силами советских военнопленных. Были выкопаны 34 рва. Каждый длиной 34 метра, шириной 5 метров и глубиной — 3 метра[22]. По окончании работ все военнопленные там же были расстреляны. К месту эшафота поступали всё новые жертвы. Для «удобства» проведения экзекуции поперек рва гитлеровцы перекидывали бревно или доску, на которые по очереди

22 НАРБ, ф. 845, оп. 1, д. 11, л. 59.

загоняли обреченных людей, специальная расстрельная команда открывала огонь. Раненые, убитые падали вниз. После заполнения участка рва доску перекладывали на новое место, и экзекуция продолжалась. Свозились сюда минчане, узники тюрем и гетто, жители Минского района, депортированные евреи из стран Западной Европы. Многие из депортированных доставлялись на автомашинах, по железной дороге прямо в Тростенец, минуя гетто. Для вновь прибывших место их предстоящей гибели называли городом Благое, где они якобы будут жить.

Около деревни Малый Тростенец с начала 1942 года было создано подсобное хозяйство полиции безопасности и СД Минска. Для его обслуживания был организован трудовой лагерь. Первыми его узниками стали военнопленные, содержали здесь и евреев-специалистов: портных, сапожников, слесарей, ремонтников… Они работали в мастерских. Узники располагались в хозяйственных постройках бывшего колхоза им. К. Маркса. Лагерь в три ряда окружала ограда из колючей проволоки, были возведены вышки для охраны. По колючей проволоке пропускался электрический ток.

Сельскохозяйственные угодья хозяйства занимали около 200 гектаров — посевные площади, огороды, сад, ферма для разведения коров, овец, свиней, кур, цветочная оранжерея, мельница, лесопилка, гаражи. Работал небольшой асфальтовый завод.

Узники лагеря содержались в тяжелых условиях. Часто проводились показательные экзекуции. За малейшее нарушение лагерного режима узники подвергались порке. Истощенные, обессиленные люди таких наказаний, как правило, не выдерживали.

В 1943 году обстановка на Восточном фронте изменилась. Перед гитлеровским руководством встал вопрос о сокрытии от мировой общественности следов массовых казней. Была объявлена и разработана спецоперация «Веттермельдунг» («Метеосводка»). Подготовлены специальные команды, которые повсеместно приступили к вскрытию захоронений и сожжению трупов. Тела казненных сжигались в течении двух месяцев. Пепел и костные останки зарывались в землю, выравнивались, маскировались рвы.

После освобождения Минска советскими войсками, представители Минской областной комиссии по расследованию и установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков провели расследование в

урочище Благовщина. Было установлено, что там было уничтожено около 150 тысяч человек[23].

В сентябре 1943 года в пятистах метрах южнее лагеря, в урочище Шашковка, была построена кремационная печь. Ее окружал трехметровый деревянный забор. Обреченных на смерть людей подвозили на крытых грузовиках или в душегубках. Их расстреливали прямо около печи, а потом трупы сразу сжигали.

По данным Чрезвычайной Государственной комиссии в урочище Шашковка с октября 1943 по июнь 1944 года было уничтожено и сожжено 50 тысяч человек[23]. Пепел сожженных использовался как удобрение на угодьях подсобного хозяйства СД.

Накануне освобождения Минска, 28–29 июня 1944 года, гитлеровцы освобождали тюрьмы и другие места содержания узников. Всех заключенных в спешном порядке отвозили в Тростенец. Свыше 6 тысяч из них были расстреляны и сожжены в колхозном амбаре[24].

Минская областная комиссия определила, что в Минске и его окрестностях погибло 400 тысяч человек[25]. В это число входят и жертвы минского гетто.

В память о погибших узниках минского гетто в 1948 году был создан мемориал «Яма». Он сооружен на месте бывшего карьера по Заславской улице, в котором были захоронены евреи, погибшие 2–3 марта 1942 года.

Установленный в 2001 году памятник из черного мрамора был дополнен стилизованными фигурами узников гетто, уходящих навсегда… Автор этой части мемориала скульптор из Израиля Эльза Полак. Осуществлен проект скульптором Финским и архитектором Л. Левиным. Мемориальный комплекс «Яма» завершает аллея Праведников.

Такова история существования и гибели минского гетто.

Р. А. Черноглазова

23 НАРБ, ф. 845, оп. 1, д. 11, л. 59.
24 НАРБ, ф. 4, оп. 29, д. 159, л. 30.
25 Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны.1941–1945//Энцыклапедыя. 1990. 345 л.

Документы свидетельствуют...

Распоряжение полевой комендатуры о создании гетто в г. Минске

г. Минск 19 июля 1941 г.

1. С изданием настоящего распоряжения в г. Минске выделяется специальная часть города исключительно для расселения евреев.

2. Все еврейское население города Минска в течение 5 суток после оглашения настоящего распоряжения обязано переселиться в еврейский район. Если кто из евреев после истечения этого срока будет обнаружен вне еврейского района, то будет арестован и строго наказан.

3. Переселяемым разрешается брать с собой свое личное имущество. Лица, пойманные при вывозе или хищении чужого имущества, будут расстреливаться на месте.

4. Еврейский район ограничивается следующими улицами: Колхозный переулок, ул. Колхозная, река Свислочь, ул. Немига, исключая православную церковь, ул. Республиканская, ул. Шорная, ул. Коллекторная, Мебельный переулок, ул. Перекопская, ул. Низовая, Еврейское кладбище, ул. Обувная, 2-ой Опанский переулок, ул. Заславльская до Колхозного переулка.

5. После окончания переселения еврейский жилой район должен быть обнесен каменной стеной и огражден от остальной части города. Стена должна быть воздвигнута жителями еврейского района. Для этого используется кирпич из нежилых и разрушаемых зданий.

6. Пребывание вне еврейского района мобилизованным в рабочие команды евреям запрещается. Рабочие команды покидают еврейский район только со специальным направлением к месту работы, выдаваемым Минской городской управой. За нарушение настоящего распоряжения — расстрел.

7. Вход и выход евреям в еврейский район разрешается только по улицам Опанского и Островского. Перелезать через стену запрещается. Немецкой охране и вспомогательной полиции отдан приказ стрелять в нарушителей.

8. В еврейский жилой район разрешается доступ лишь евреям и по служебным делам военнослужащим немецких воинских формирований и сотрудникам Минской городской управы.

9. На еврейский совет наложен заем в 30 000 червонцев на компенсацию расходов, связанных с переселением. Указанная сумма, процентный взнос, который будет урегулирован позднее, в течение 12 часов после оглашения настоящего распоряжения должна быть внесена в городскую кассу управы по ул. Карла Маркса, 28.

10. Еврейский совет немедленно предоставляет жилищному отделу сведения о всех оставленных евреями квартирах вне еврейского района, которые еще не заняты арийским (нееврейским) населением.

11. Порядок в еврейском жилом районе поддерживают специальные еврейские дружины порядка, приказ о создании которых будет издан в свое время.

12. За окончательное переселение еврейского населения в отведенный район несет ответственность еврейский совет города Минска. Всякое нарушение настоящего распоряжения строжайше наказывается.

Комендант полевой комендатуры г. Минска

НАРБ, ф. 4683, оп. 3, д. 937, л. 6–7; ф. 359, оп. 1, д. 8, л. 1–2; Трагедия евреев Беларуси в годы немецкой оккупации (1941–1944). Мн., 1995. С. 65–66; «Нацистское золото» из Беларуси: Документы и материалы. Мн., 1998. С. 19–20.

Из сообщения №20 оперативной группы «Б» о положении в Минске

г. Минск 12 июля 1941 г.

Минск — столица Белорусской советской социалистической республики. В 1926 году насчитывал 131 803 чел. жителей, в 1939 г. — 237 772 жителя.

Минск обладает значительной индустрией. Центр города в результате воздушных налетов и пожаров полностью уничтожен (разрушен). Частично уцелели здания университета, Дома Красной Армии, оперный театр и Дом правительства.

Менее разрушенными оказались предместья города, где в основном размещаются промышленные предприятия.

Город остался без света и воды. Руководящие политические и государственные работники сбежали.

Настроение среди населения очень подавленное, так как многие остались без крова, а продовольственное положение все время ухудшается. По распоряжению коменданта полевой комендатуры для обеспечения безопасности тыловых коммуникаций и предотвращения актов саботажа все мужское население города в возрасте от 18 до 45 лет арестовано. Гражданские пленные в настоящее время подвергаются проверке.

По последнему сообщению оперативной группы «Б», деревянные дома в западной части города подожжены.

Дома, очевидно, подожжены евреями, так как они должны были освободить дома для возвращающихся белорусских беженцев. Население готово начать погромы. Ярость населения уже вызвала некоторые акции против евреев. За поджог ликвидирована некоторая часть евреев.

[…]

11. Порядок в еврейском жилом районе будет поддерживаться еврейской службой охраны порядка (специальное положение о ней последует дополнительно).
12. Еврейский совет г. Минска полностью отвечает за осуществление приказа о переселении евреев. Лица, не подчиняющиеся этому приказу, будут строжайше наказаны.

Полевой комендант

НАРБ. Ф. 4683. Оп. 3. Д. 948. Л. 80–81; МКФ, арх. №175, к. 722186–90. Перевод с нем.; Judenfrei! Свободно от евреев: История минского гетто в документах. Мн., 1999. С. 27.

Из сообщения №31 полиции безопасности и СД о создании еврейского совета (юденрата)

г. Минск 23 июля 1941 г.

Решение еврейского вопроса во время войны на этой территории кажется неосуществимо, так как при огромном количестве евреев решить его можно только путем переселения евреев. Однако, чтобы создать на ближайшее время сносную базу, айнзатцгруппой «Б» везде, где она до сих пор осуществляла свою деятельность, приняты следующие меры.

В каждом городе был назначен временный председатель еврейского совета, которому поручено создать еврейский совет в количестве от 3 до 10 человек. Еврейский совет полностью несет ответственность за поведение еврейского населения. Кроме того, он незамедлительно должен начать регистрацию всех евреев, проживающих в населенном пункте. Более того, еврейский совет должен создать трудовые группы из числа евреев в возрасте от 15 до 55 лет, которые должны трудиться на разборке развалин города и на других работах для немецких учреждений и воинских частей. В таких же возрастах создаются и еврейские женские группы.

Так как немецкий солдат не всегда безошибочно может отличить евреев от нееврейского местного населения, в некоторых случаях возникали недоразумения, то повсюду отдано распоряжение, чтобы евреи — мужчины и женщины в возрасте от 10 лет и старше немедленно носили на грудях и на спине одежды желтые нашивки.

Еврейский совет подчиняется временным городским комиссарам. На должности городских комиссаров были назначены надежные белорусы, подобранные и предложенные айнзатцкомандами.

НАРБ, ф. 4683, оп. 3, д. 943, л. 88–89. Перевод с нем.; Judenfrei! Свободно от евреев: История минского гетто в документах. Мн., 1999. С. 33.

Из сводки событий из СССР полиции безопасности и СД №31

23 июля 1941 г.

Секретно

Первоочередной и трудноразрешимой проблемой, в связи с огромным количеством евреев, является размещение их в гетто. Эта работа уже проводится. Совместно с полевыми и местными комендатурами уже подобраны пригодные для этих целей городские кварталы.

Хозяйственная жизнь в связи с разрушениями и разграблениями на первых порах была парализована. Некоторые предприятия в Минске и Борисове уже вводятся в эксплуатацию. Колхозное производство в связи с реквизициями и хищениями затруднено, отчего сильно страдает продовольственное снабжение населения. Деньги пока здесь не имеют стоимости, оплата производится хлебом…

С командующим тылом группы армий достигнута полная договоренность и единодушие в части обращения с партизанами и бывшими солдатами в гражданской одежде.

Начаты крупные операции с участием полиции безопасности и СД. Они будут проводиться беспощадно.

14.07.1941 г. уже сообщалось об уничтожении 4234 человек. На 19.07.1941 г. число ликвидированных увеличилось еще на 3386 человек.

Отдано распоряжение о роспуске коммунистической партии и коммунистических союзов и организаций. Изъятие ценных документов, ценностей и т.д. обеспечены. Оперативная группа регулярно получает информацию о проведенных конфискациях и т.д.

НАРБ, ф. 510, оп. 1, д. 71, л. 56; МКФ, арх. №131, к. 721618, 721626–721627. Перевод с нем.; «Нацистское золото» из Беларуси: Документы и материалы. Мн., 1998. С. 26–27.

Из административно-хозяйственного распоряжения командующего тылом группы армий «Центр» о запрещении евреям свободы передвижения и торговли

г. Минск 21 августа 1941 г.

IX.
Для облегчения строгого контроля за деятельностью евреев постановляется:

1. Евреям запрещается покидать район своего местожительства. Исключение составляют евреи, имеющие письменное разрешение от местной комендатуры, выданное в виде исключения в интересах германского вермахта.

2. Евреям запрещается торговля (закупка и продажа) с местным арийским населением. Запрет не касается евреев, которые работают по разрешению немецких учреждений совместно с коммерческими и промышленными предприятиями.

3. Нарушения наказываются со всей строгостью. [...]

Командующий тылом группы армий «Центр»
генерал от инфантерии фон Шенкендорф

НАРБ, ф. 412, оп. 1, д. 19, л. 118, 120. Типографский оттиск. Перевод с нем.; Холокост в Беларуси. 1941–1944. Док. и материалы. Мн., 2002. С. 13.

Из оперативной сводки №92 полиции безопасности и СД о проведении истребительной акции в минском гетто

23 сентября 1941 г.

…Прочесывание гетто в Минске.

С привлечением полиции службы порядка и при помощи полевой жандармерии в гетто проведена крупная акция. Было арестовано около 2500 евреев, в том числе женщин. Из них в течение 3-х дней всего подвергнуто экзекуции 2278 чел.

Речь идет исключительно о саботажниках и еврейских активистах. Среди них, между прочим, находилось очень много тех, кто не носил на одежде предписанные отличительные знаки.

НАРБ, ф. 4683, оп. 3, д. 1065, л. 190; МКФ, арх. №175, к. 72379–72380. Перевод с нем.; Judenfrei! Свободно от евреев: История минского гетто в документах. Мн., 1999. С. 164.

Из приказа Государственного комиссара Остланда Г. Лозе

г. Рига сентябрь, 1941 г.

3. Для жидов местный окружной комиссар в зависимости от условий устанавливает особый комендантский час.

Государственный архив Минской области, ф. 623, оп. 1, д. 1, л. 146; Трагедия евреев Белоруссии в годы немецкой оккупации (1941–1944). Мн., 1995. С. 67.

Из дневника боевых действий 322-го полицейского батальона об истребительных акциях в минском гетто

30 сентября 1941 г.

…30 августа 1941 г. Батальон без 8-й роты занимается военной подготовкой:

В 16.30 предварительное совещание командира батальона с обергруппенфюрером Кохом из СД в присутствии командиров рот по вопросу проведения коренной акции против евреев 31 августа и 1-го сентября 1941 года в еврейском гетто Минска. Срок проведения антиеврейской акции 31 августа 1941 года, начало 15.00. Для проведения акции батальон выделяет 2 роты.

Капитан охранной полиции (шуцполиции) Июрке докладывает о перегрузке 7-й роты.

31 августа 1941 г. 7-я и 9-я роты проводят акцию против евреев в Минске.

Во время этой акции было арестовано и заключено в тюрьму в Минске около 70 евреев, в том числе 64 женщины.

1 сентября 1941 г. 9-я рота вместе с СД и НСКК (национал-социалистский автомобильный корпус) за Минском участвует в расстреле 914 евреев, в том числе 64 еврейки. В числе них около 700 евреев и евреек, арестованных вчера 7-й и 9-й ротами во время акции в минском гетто. Расстрелы произведены без особых эксцессов. Попыток к бегству благодаря удачно выбранной местности и четкому руководству не было.

Еврейки были расстреляны за то, что во время проведения акции в гетто Минска оказались без еврейских отличительных знаков.

НАРБ, ф. 4683, оп. 3, д. 936, л. 43–45; МКФ, арх. №454, к. 610–611; Judenfrei! Свободно от евреев: История минского гетто в документах. Мн., 1999. С. 163.

Постановление рейхскомиссара Остланда об обращении с еврейским имуществом в рейхскомиссариате Остланд

г. Рига 13 октября 1941 г.

1

Все движимое и недвижимое имущество еврейского населения на управляемой рейхскомиссаром Остланда территории подлежит конфискации, комиссарскому управлению и учету в соответствии со следующими предписаниями:

2

Имуществом являются движимые и недвижимые вещи наряду со всеми принадлежностями, долговыми обязательствами, долевыми участиями, правами и интересами различного рода.

3

1. Конфискация осуществляется рейхскомиссаром Остланда или через назначенные им учреждения. Конфискация проводится с помощью распоряжения относительно отдельных лиц или общего призыва через объявление и может быть ограничена единичными предметами имущества.
2. Конфискации не подлежат:

а) часть предметов домашнего обихода, необходимая для обычного жизненного обеспечения личности;

б) наличные деньги, банковские, сберегательные и ценные документы стоимостью до 100 нем. марок.

4

1. В результате конфискации прежние владельцы теряют право распоряжения конфискованным имуществом.
2. Кто обладает конфискованным имуществом или сохраняет таковое, должен и в дальнейшем им распоряжаться. Изменения относительно распоряжения имуществом или доходами от него допускаются только в рамках ведения хозяйства. На все выходящие за эти рамки мероприятия требуется согласие рейхскомиссара Остланда или уполномоченных им учреждений.

5

1. Над подлежащим конфискации имуществом может быть установлено комиссарское управление, если этого требует ведение хозяйства.
2. Введение комиссарского управления считается одновременно как конфискация.
3. Рейхскомиссар Остланда принимает распоряжения о создании и осуществлении комиссарского управления.

6

1. Конфискованное имущество может быть изъято рейхскомиссаром Остланда или назначенными им учреждениями.
2. Распоряжение изымаемым имуществом предоставляется полномочным на это учреждениям.
3. Последние окончательно решают урегулирование принадлежащих к конфискованному имуществу долгов административным путем. Ответственность ограничивается размером стоимости продажи изъятого имущества.

7

Уполномоченные на это власти могут призвать население к регистрации подлежащего конфискации имущества.

8

Компетентные учреждения могут для проведения своих задач потребовать информации от каждого человека.

9

1. Тюремным заключением и денежным штрафом или одной из этих мер будет наказан тот:

а) кто утаит от немецких гражданских учреждений или от их уполномоченных подлежащие конфискации вещи или каким-либо другим образом будет пытаться расстроить, помешать или препятствовать конфискации;

б) кто преднамеренно или по халатности порученное ему задание согласно настоящему постановлению и инструкции о его исполнении о регистрации имущества и его конфискации не выполняет или выполняет не полностью.

2. В серьезных случаях в качестве наказания применяется тюремное заключение. Если виновный действует из-за упрямства или имеет место еще более серьезный случай, то может быть вынесен смертный приговор.

10

Рейхскомиссар Остланда издает необходимые предписания для выполнения этого постановления.

11

Постановление вступает в силу со дня его опубликования.

Рейхскомиссар Остланда *Лозе*

НАРБ, ф. 370, оп. 5, д. 2, л. 15. Перевод с нем.; «Нацистское золото» из Беларуси: Документы и материалы. Мн., 1998. С. 30–31.

Приказ №24 коменданта Белоруссии об уничтожении евреев и цыган

Минск 24 ноября 1941 г.

…Евреи и цыгане:
приказы №9 от 28.9.1941 г., п. 6;
№11 от 4.10.1941 г., п. 2.в;
№13 от 10.10.41 г., п. 18.

Как указано в приказах — евреи должны исчезнуть с лица земли, также и цыгане должны быть уничтожены.

Проведение операций против евреев в более крупных масштабах не являются задачей частей дивизии. Операции проводятся гражданскими и полицейскими частями по приказу коменданта Белоруссии, если в ведение его будут переданы спецчасти…

Небольшие группы евреев можно уничтожать или передавать в гетто, где затем они будут переданы гражданскому управлению или СД.

Барон фон Бехтольсхайм

НАРБ, ф. 378, оп. 1, д. 698, л. 32. Перевод с нем.; Judenfrei! Свободно от евреев: История минского гетто в документах. Мн., 1999. С. 165.

Письмо генерального комиссара Белоруссии В. Кубе Рейхскомиссару Остланда Г. Лозе о депортации евреев Германии в Белоруссию

г. Минск 16 декабря 1941 г.

Совершенно секретно

Мой дорогой Генрих! Я прошу тебя лично дать официальную директиву о позиции гражданских властей относительно евреев, депортированных из Германии в Белоруссию. Среди этих евреев есть люди, которые воевали на фронте (в первую мировую войну) и награждены Железным крестом первой и второй степени, инвалиды войны, наполовину и даже на три четверти арийцы. На сегодняшний день прибыли лишь 6000–7000 евреев из ожидаемых 25000, о которых нам было сообщено. Я не знаю, что с остальными. Во время нескольких официальных визитов в гетто я отметил, что среди этих евреев, отличающихся от русских евреев и своей чистоплотностью, есть квалифицированные рабочие, способные сделать за день в пять раз больше, чем русские евреи.

Эти евреи, вероятно, погибнут от холода или голода в ближайшие недели. Для нас они представляют страшную угрозу как распространители болезней, ибо они, как и мы, немцы, подвержены 22 эпидемическим заболеваниям, распространенным в Белоруссии.

На свою ответственность я не дам СД никаких указаний относительно обращения с этими людьми, хотя некоторые подразделения вермахта и полиции уже наложили руки на имущество евреев, депортированных из рейха. Так, СД забрало у них 400 матрасов, а также конфисковало и другие вещи. Я, безусловно, тверд в своем мнении и желаю содействовать решению еврейского вопроса, но эти люди, которые принадлежат к нашей культуре, отличаются от тупого стада местных. Может быть, возложить массовые расстрелы на литовцев и латышей, которые чужды и местному населению. Я не могу этого сделать. Прошу тебя дать точные директивы, чтобы надлежащая акция была проведена наиболее гуманным образом.

С сердечным приветом Хайль Гитлер!

Твой Вильгельм Кубе

Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944). Сборник документов и материалов. Иерусалим. 1991. С. 178–179; Judenfrei! Свободно от евреев: История минского гетто в документах. Мн., 1999. С. 211.

Из приложения №1 к отчету о деятельности группы ГФП-723 об отношении местного населения к истребительным акциям против евреев

г. Минск декабрь 1941 г.

…Интересной является и позиция русских по отношению к евреям и проводимым в отношении их мерам немецких оккупационных властей. Широкие массы русских не знают, что такое расовая проблема и она чужда им.

…Русские воспринимают массовое уничтожение евреев как зверство со стороны немцев, которое, однако, не в убыток им. В различных местах имеют место случаи, когда массовое уничтожение евреев дает повод к злобной антинемецкой пропаганде, кульминационным пунктом которой являются заявления, что за евреями их судьбу разделят русские. Какого-либо заметного успеха подстрекатели не добились. В большинстве они были выявлены и расстреляны.

Комиссар полевой полиции
и начальник групп Родбаде

НАРБ, ф. 4683, оп. 3, д. 962, л. 24. Перевод с нем.; Judenfrei! Свободно от евреев: История минского гетто в документах. Мн., 1999. С. 167.

Из отчета канцелярии Имперского министра иностранных дел относительно евреев

г. Берлин 1941 г.

…В ходе восточного похода евреи проявили себя как саботажники, грабители, шпионы, террористы, морально неустойчивые, занимались коммунистической агитацией, оказывали пассивное сопротивление, распространяли пораженческие слухи, сеяли неверие в успешное наступление. Естественно, что такое поведение, проводимое по советской указке, повлекло бы за собой разобщение немецкого общества, оно не смогло бы действовать в полную силу. Евреи сумели замаскироваться как переводчики, пробраться в немецкие административно-хозяйственные организации руководителями предприятий, работающих на военные нужды, чтобы использовать свое положение для скрытой враждебной деятельности в своих личных интересах.

Такое поведение евреев вызвало необходимость провести предварительные чистки…

Всего было ликвидировано свыше 11 тысяч. Подробные данные обо всех уничтоженных евреях в трех геблетскомиссариатах можно почерпнуть из германской книги. Большую часть евреев в виду опасности саботажа пришлось изолировать в особые лагери. В больших лагерях были оборудованы гетто, в которые свозились евреи с различных мест района, области…

НАРБ, ф. 4683, оп. 3, д. 928, л. 45–46. Перевод с нем.; Judenfrei! Свободно от евреев: История минского гетто в документах. Мн., 1999. С. 168.

Из сообщения №156 начальника полиции безопасности и СД об уничтожении евреев

16 января 1942 г.

…В Белоруссии очищение идет полным ходом. Число евреев в переданной до сих пор под гражданское управление части Белоруссии составляет в настоящее время 139 000 чел.

Оперативной группой «А» со дня ее деятельности в Белоруссии расстреляно 33 210 евреев.

НАРБ, ф. 4683, оп. 3, д. 913, л. 196; МКФ, арх. №175, к. 723979–723981. Перевод с нем.; Judenfrei! Свободно от евреев: История минского гетто в документах. Мн., 1999. С. 170.

Из протокола заседания начальников главных отделов Генерального комиссариата Белоруссии относительно местных и немецких евреев

г. Минск 29 января 1942 г.

…Количество евреев не может быть определено, хотя в стране оно очень высокое. Еврейское население в стране терроризируется. Полная ликвидация евреев в настоящее время из-за морозов невозможна, т.к. земля сильно промерзла, чтобы можно было выкопать ямы, которые затем могут служить братскими могилами для евреев. Полное уничтожение евреев невозможно и потому, что среди евреев есть и рабочая сила.

Различают 2 категории евреев:
а) русские евреи; б) немецкие евреи. Русские евреи — натуры упрямые и работают с неохотой. Немецкие евреи проявляют старание в работе, благодаря чему становится понятно, что они верят, что после победоносного окончания войны снова будут возвращены в старую империю. Речь идет, таким образом, о борьбе за существование. Необходимо поддержать их веру в возвращение в Германию и, таким образом, добиться высокой производительности труда.

Весна, все-таки, начнется снова сильными экзекуциями. Ранее должны были проводить испытания латыши, прикомандированные во вспомогательную полицию. В минском гетто размещение евреев плохое. К тому же там процветает спекуляция. Из-за тесных жилищных условий в гетто надзор будет осложнен.

ГАРФ, ф. 7021, оп. 1, д. 53, л. 164; Judenfrei! Свободно от евреев: История минского гетто в документах. Мн., 1999. С. 171.

Из отчета о деятельности оперативной группы Ч «А» полиции безопасности и СД за период с 16 октября 1941 г. по 31 января 1942 г.

Белоруссия

…Вопрос решительной и полной ликвидации евреев на территории Белоруссии после прихода немцев наталкивается на известные трудности. Как раз здесь евреи составляют чрезвычайно высокий процент специалистов, которые в области, вследствие отсутствия других резервов, являются необходимыми. Кроме того, оперативная группа «А» приняла эту территорию лишь с наступлением сильных морозов, которые очень затрудняли проведение массовых экзекуций.

Дальнейшая трудность заключается в том, что евреи живут разбросанно по всей территории; учитывая большие расстояния, плохое состояние дорог, недостаток автотранспорта, бензина и незначительные силы полиции безопасности и СД, проведение расстрелов возможно только при максимальном напряжении всех сил. Несмотря на это, расстреляна уже 41 тысяча евреев. В это число не вошли расстрелянные прежними оперативными командами…

Командиру полиции по Белоруссии, несмотря на тяжелое положение, даны указания как можно быстрее ликвидировать еврейский вопрос. Но все же для этого потребуется около двух месяцев времени в зависимости от погоды.

Размещение оставшихся евреев в существующих гетто и лагерях Белоруссии подходит к концу…

Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т. 1. М., 1954. С. 849; Judenfrei! Свободно от евреев: История минского гетто в документах. Мн., 1999. С. 172.

Из отчета коменданта Белоруссии о деятельности оперативных групп по состоянию на 1 февраля 1942 г.

…Количество еврейского населения, уничтоженного оперативной группой «А» в ходе операции против евреев:

Минск — 41 828 чел.

Примерное количество еще оставшихся евреев составляет 128 000 чел.

НАРБ, ф. 4683, оп. 3, д. 945, л. 35. Перевод с нем.; Judenfrei! Свободно от евреев: История минского гетто в документах. Мн., 1999. С. 173.

Из сообщения №178 полиции безопасности и СД об антиеврейской акции в г. Минске

г. Минск 9 марта 1942 г.

Командир Гофман приказал с 1 по 3 марта провести в Минске и Койданове большую акцию против русских евреев обоего пола. Для сохранения в тайне намеченного мероприятия юденрату было сообщено, что 5000 евреев из гетто будут «переселены», они должны быть отобраны юденратом и собраны для отправки, каждый из евреев мог взять с собой багаж весом в 5 кг. Подлинная задача, стоявшая перед начальником полиции безопасности и СД, была сохранена в тайне. Когда утром 1 марта 1942 г. гетто было окружено, ни один еврей не был представлен юденратом к отправке. Поэтому были введены в действие команды для освобождения от евреев части гетто. Только после этого евреи были собраны и длинной колонной направлены на ст. Минск–Товарная. Многие не оставляли добровольно свои жилища, либо постарались избежать отправки. По отношению к ним была применена сила, а некоторые из них были расстреляны на месте. После очистки гетто в домах и на улицах лежало много трупов, позже они были убраны. На станции люди были погружены в вагоны, которые затем были соединены в длинный состав, который был направлен в Койданово, местечко в 30 км юго-западнее Минска, на железной дороге Минск–Барановичи–Брест-Литовск.

На следующий день, 2 марта 1942 г., все подразделения полиции безопасности и СД направлялись для расстрела пассажиров поезда. Для акции вблизи Койданово было подготовлено много траншей. Вначале евреев выгрузили из вагонов, затем разделили на небольшие группы, и под охраной литовцев они были доставлены к траншеям. При этом применялась сила. Здесь им было приказано снять пальто и верхнее платье. Это было сделано для облечения стрельбы. Затем евреям было приказано идти вдоль траншей, около которых стояли стрелки, вооруженные пистолетами. Команда стрелков насчитывала 10–20 человек. Каждый стрелок периодически выбирал себе жертву — при этом он приказывал человеку остановиться или останавливал его рукой. Если жертва находилась в удобной позиции, солдат стрелял ей в затылок. Если после выстрела человек не падал в траншею, его толкали в нее или вбрасывали туда.

Траншеи были столь широки, длинны и глубоки, что они, по меньшей мере, могли вместить многие сотни трупов.

Группы евреев, находившиеся вдали от траншей, слышали выстрелы и могли понять, что уже началась массовая экзекуция, жертвами которой должны были стать и они. Позже, когда они увидели траншеи и лежавшие в них трупы, по крайней мере, взрослым становилось ясно, что им предстоит. Многие бежали, кричали и плакали, большинство покорились судьбе без воплей и причитаний. Врача, который должен был констатировать смерть, не было. Однако обращалось внимание на то, чтобы пристреливать тех, кто еще шевелился, или если возникало подозрение, что кто-то еще не был убит.

В этот день не удалось расстрелять всех людей. Поэтому экзекуция была продолжена 3 марта 1942 г. Всего было убито не менее 3 тысяч человек. Сколько из них было расстреляно 2-го марта и сколько 3-го марта — не было установлено, однако ясно, что было расстреляно не менее 1000 человек.

Согласно сообщению №178 от 9 марта 1942 г. во время акции, проведенной в Минске–Койданово 2–3 марта 1942 г., было расстреляно 3 412 евреев.

…Проведенная 3.3.1942 г. в Минске акция против евреев дала повод городскому населению предполагать, что в последующие недели будут произведены еще более крупные акции против евреев по всей Белоруссии.

Федеральный архив Кобленца 9кс/62. Дела юстиции и нацистских преступлений. Т. 19. Текущий №552. Ксерокопия. Перевод с нем.; Judenfrei! Свободно от евреев: История минского гетто в документах. Мн., 1999. С. 175–176.

Распоряжение комиссара Минского округа о запрете контактов с евреями

г. Минск 16 июля 1942 г.

Усім служачым установаў сурова забаронены зносіны з жыдамі. Асабліва недапушчальна весьці размовы з рабочымі жыдамі, якія працуюць у службовым будынку.

Падпісаў д-р Кайзэр

НАРБ, ф. 393, оп. 1, д. 138, л. 7. Подлинник перевода.

Из доклада генерального комиссара Белоруссии В. Кубе Имперскому министру финансов о положении в занятых восточных областях

4 сентября 1942 г.

…В настоящее время в Минске находится 9000 еврейских рабочих, из которых 6000 составляют русские евреи и 3000 немецких евреев. Он считает, что решение еврейского вопроса по отношению к родственникам немецких евреев не совсем правильное. Среди уничтоженных немецких евреев оказалось 140 фронтовиков первой мировой войны, часть из которых награждены военными наградами.

Решение еврейского вопроса в Белоруссии в последнее время затруднено тем, что организация Тодта и строительные батальоны авиационных частей генерал-губернаторства привозят в генеральный округ Белоруссии евреев, которых затем собирают и уничтожают СД. В связи с этими мероприятиями, с учетом того, что транспорты с евреями продолжают прибывать из Германии в Белоруссию, генеральный комиссар Белоруссии не в состоянии решить еврейский вопрос до сентября сего года…

НАРБ, ф. 4683, оп. 3, д. 974, л. 137–138. Перевод с нем.; Judenfrei! Свободно от евреев: История минского гетто в документах. Мн., 1999. С. 222.

Письмо начальника полиции безопасности Остланда гауптштурмфюрера Трюгеса в Главное имперское управление безопасности о дополнительном выделении газовых автомобилей

1942 г.

Транспорты с евреями, которые должны быть подвергнуты особому способу обращения, прибывают еженедельно в управление начальника полиции безопасности и службы безопасности Белоруссии. Три газовых автомобиля, которые имеются там, недостаточны для этой цели. Я прошу, чтобы прислали еще один газовый автомобиль (пятитонку). В то же время я прошу, чтобы переправили 20 газовых труб для автомашин, которыми мы располагаем (две — Диамонд, одна — Заурер), так как имеющиеся трубы уже пропускают газ.

Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. М., 1954. Т. 1. С. 833; Judenfrei! Свободно от евреев: История минского гетто в документах. Мн., 1999. С. 229.

Из обзора комиссара криминальной полиции оберштурмфюрера Буркхарда о положении немецких евреев в минском гетто

г. Минск 1942 г.

Особое место при решении еврейской проблемы занимают 7000 немецких евреев, доставленных в минское гетто. Эти евреи размещены в различных частях гетто и по желанию генерального комиссариата отгорожены от районов, где проживают русские евреи, колючей проволокой. И на сегодняшний день получилось, что немецкие евреи не только окружены проволочным заграждением, но отгорожены от русских, а в целом гетто еще не окружено проволокой.

Хотя среди немецких евреев меньше специалистов, но, учитывая их знание языка и более культурный уровень, к ним нужно относиться мягче, чем к русским евреям. Интересны следующие данные, которые отражают картину живой жизни в немецком гетто.

В гетто немецких евреев насчитывается 7000. Среди них 1800 человек работоспособных. Из них около 900 человек в настоящее время не могут быть использованы на работе из-за болезней, связанных с недоеданием. Болезни, в основном, следующие:

370 — дизентерия
102 — обмораживание
135 — гнойные раны
210 — конъюнктивное воспаление глаз
25 — воспаление легких
63 — грипп и ревматические болезни
30 — болезни мочевого пузыря.

Это данные по состоянию на 31 декабря 1941 года. Аналогичные вышеприведенным заболевания и в гетто для русских евреев, с той разницей, что здесь процент заболеваний, по общему признанию, еще более высок.

Немецкие евреи в Минске особенно благодарны заботе, которую оказывает им господин главный комиссар гауляйтер Кубе. При посещении Кубе… в ноябре 1941 года гетто он узнал, что родственники некоторых из евреев сражаются на фронте. Заинтересовавшись этим, он обещал, что доложит об этом фюреру. В гетто для берлинских евреев гауляйтер Кубе обратил внимание на внешность двух еврейских девушек, которые похожи на ариек.

Он распорядился политическому руководителю установить личность девушек и выписать из гетто. Одна из них работала затем в генеральном комиссариате, совмещая работу стенографистки и парикмахера, при этом ей было разрешено ходить без «звезды», чтобы

не оскорблять чувства немцев, которые брились у нее и не раздражать их зрелищем еврейской «звезды». Старейшина еврейского гетто был принят генеральным комиссаром и ему была предоставлена широкая возможность изложить свои жалобы.

Перед этим его заместитель жаловался, что один из старых членов партии угрожал избить его, а то и пустить пулю в лоб. Многочисленные жалобы также поступали со стороны еврейского совета на гаутштурмфюрера штаба СС и руководителей полиции, что они избивают евреев за неудовлетворительную работу.

Принимая во внимание неоднократные заявления еврейского совета о чрезвычайно плохом питании обитателей гетто, обсуждался вопрос о передаче снабжения и содержания вермахту, руководитель финансового отдела вермахта заявил при этом, что на фоне тех поставок продовольствия, содержание 7000 евреев не представляет никаких трудностей.

Большинство немецких евреев после прибытия в Минск полагали, что ехали сюда с целью колонизации восточных пространств. Но после их согнали в гетто, где они длительное время подвергались плохому обращению, среди них распространились слухи, что их переселение явление временное и после окончания войны им разрешат вернуться в Германию. Этой версии, которая облегчает им преодолевать повседневные трудности, придерживаются большинство евреев, лишь незначительная часть явно представляет свое будущее, но не осмеливается говорить об этом вслух.

И в этой обстановке проявилась поразительная, свойственная евреям способность приспосабливаться, которую они пытаются направить на то, чтобы несколько облегчить себе жизнь.

Так, например, Брюнеры в условиях, насколько было возможно, организовывали еврейское варьете, куда собрались относительно хорошие силы.

Из разговоров самих евреев можно заключить, что в гетто продолжается половая жизнь. Трудно сказать, является ли это самоцелью или заботой о жизнестойком потомстве.

Большая скученность евреев в гетто на небольшом пространстве естественно создает благоприятную обстановку для распространения заразных болезней.

С наступлением ранней весны это необходимо учесть, так как гетто является очагом заразных заболеваний, откуда заболевания могут перебросится не только на белорусское население, но и на немецких граждан и армию.

Проведенная в январе 1942 года внутри немецкого гетто кампания по сбору шерстяных изделий дала следующие результаты:

Пальто — 329
Жакеты — 159
Изделия из меха — 128
Муфты — 300
Меховые воротники — 2146
Меховые шапки — 100
Боа (воротники) — 440.

Уничтожение евреев в больших масштабах, если бы это и позволяли интересы экономики, в настоящее время из-за климатических условий невозможно: сильно промерзшая земля затрудняет рытье могил и их погребение.

Оберштурмфюрер СС и уголовный комиссар Буркхард

НАРБ, ф. 1216, оп. 1, д. 3, л. 253–261. Перевод с нем.; Judenfrei! Свободно от евреев: История минского гетто в документах. Мн., 1999. С. 226–227.

Из отчета унтерштурмфюрера СС доктора Беккера о состоянии газовых автомашин

16 мая 1942 г.

…Осмотр газовых автомобилей группы «Д» и «С» окончен. В то время как газовые автомобили первой степени могут использоваться и в плохую погоду, автомобили второй серии «Заурер» совершенно выходят из строя в дождливую погоду. Например, если они пробыли под дождем в течение получаса, то их нельзя использовать потому, что они буксуют. Эти автомобили можно использовать только при абсолютно сухой погоде. Вопрос заключается теперь в том, можно ли использовать газовый автомобиль тогда, когда он стоит на месте казни. Во-первых, его следует доставить к этому месту, что возможно только при хорошей погоде. Во-вторых, место казни обычно находится в 10–15 километрах от шоссе, к нему трудно добраться. В грязь или сырую погоду к нему вообще нельзя проехать. Если лиц, подлежащих уничтожению, перевозят или ведут к этому месту, то они быстро начинают соображать, что происходит, и начинают беспокоиться, чего следует избегать, насколько это возможно. Остается один только способ: грузить их на автомашины в одном пункте, а затем перевозить к месту казни.

Я приказал замаскировать автомашины «Д» под прицепы, приспособленные под жилье, приделав по одной паре оконных ставен с каждой стороны малого газового автомобиля и по две пары ставен на каждой стороне больших автомобилей так, чтобы это походило на крестьянские домики, какие можно видеть в сельской местности. Эти машины стали настолько хорошо известными, что не только власти, но и гражданское население называют эти автомобили «душегубками»…

…Газ не всегда применяется правильным образом. С целью кончить как можно скорее, шофер нажимает акселератор до отказа. Таким образом, люди умирают от удушья, а не от отравления, как это было запланировано. Выполнение моих инструкций показало, что при правильном положении рычага управления заключенные мирно впадают в глубокий сон. Больше не приходится наблюдать искаженные лица и испражнения, как это было прежде.

Сегодня я продолжу мою инспекционную поездку и посещу группу «Б», где я смогу получить дальнейшие сведения.

Нюрнбергский процесс. В 8-ми томах. Т. 5. М. 1991. С. 646–648; Judenfrei! Свободно от евреев: История минского гетто в документах. Мн., 1999. С. 177.

Объявление жилищного отдела Минского городского комиссариата о переселении жителей Минска в собственные дома на бывшей территории гетто

10 сентября 1942 г.

Все собственники домов, которые при создании еврейского «Гетто» вынуждены были покинуть свои дома и переселиться в еврейские (в порядке обмена) обязуются в течение 10-ти дней обратиться в Жилищный отдел Городского Комиссариата (кабинет №42) для получения разрешения на занятие своего дома на бывшей территории «Гетто».

Переселение в собственные дома должно быть проведено в срок, определенный Жилищным отделом.

В случае незанятия своих домов в назначенный срок хозяин дома будет переселен в принудительном порядке.

При получении разрешения хозяин должен иметь с собой документы на собственность дома и обменную справку.

Жилищный отдел Минского городского комиссариата

Беларуская газэта. 10 верасня 1942; Judenfrei! Свободно от евреев: История минского гетто в документах. Мн., 1999. С. 179.

Служебная записка городского инспектора Лоебеля о состоянии минского гетто после истребительной акции в августе 1942 г.

г. Минск 16 ноября 1942 г.

В конце июля и в начале августа 1942 года была проведена акция в гетто. Сразу же после этой акции со всей настойчивостью были организованы охрана и вывоз оставшегося движимого имущества евреев. Трудность сохранения этого имущества состояла в том, что, во-первых, не было достаточного количества автотранспорта, а во-вторых, бензина. В связи с этим обеспечение сохранности движимого имущества затянулось.

Затем, чтобы избежать длинных путей транспортировки, в самом гетто был создан склад для хранения этого имущества. По договоренности с начальником шуцполиции последний усилил полицейский участок гетто служащими немецкой и белорусской полиции, однако, и имевшихся в распоряжении сил оказалось недостаточно, чтобы предотвратить попытки разграбления имущества местным населением. Таким образом, после того, как часть гетто была освобождена от движимого имущества, необходимо было сразу же заселить ее. Согласно пожеланиям гауляйтера, в лучшие дома должны быть поселены в первую очередь «фольксдойче» и белорусские полицейские. Большая часть «фольксдойче» отказалась переселиться в освободившиеся квартиры гетто, так как они в других местах были устроены лучше. После чего по согласованию с генеральным комиссаром отказались от дальнейшего переселения «фольксдойче». Местные жители, которые были поселены в освободившиеся квартиры в гетто, сразу же начали благоустраивать их, так как последние в большинстве случаев вследствие акции серьезно пострадали, а с другой стороны, пришли в упадок вследствие длительного проживания в них русских евреев, за счет других домов. К тому же этого нельзя было избежать, так как отсутствует строительный материал, в особенности в домах отсутствовали оконные и дверные рамы и т.д.

Вскоре, после приема имущественных ценностей земледельческим обществом с ограниченными полномочиями, 1 августа 1942 года работником жилищного отдела было указано земледельческому обществу с ограниченными полномочиями на то, что управление недвижимым имуществом входит в обязанности этого общества и что избежать разрушения домов или отдельных частей можно, если будет создано управление освободившимися в гетто домами. 4 октября 1942 года, т.е. спустя месяц после очищения части гетто, земледельческим обществом с ограниченными полномочиями со-

здано такое управление домами — «управление 31», так что в этот промежуток времени земледельческое общество с ограниченными полномочиями фактически не осуществляло никакого контроля над имущественными ценностями этой части гетто. В связи с очищением указанной части гетто освободилось примерно 1896 комнат с площадью примерно в 15000 кв. м, а не 17000 кв. м, как это указывает земледельческое общество, для заселения местного населения. Из этой жилой площади были непригодны примерно 150 комнат. За это время было заселено 1220 комнат, или ровно 8000 кв. м. Не заселенные до сих пор дома по изложенным выше причинам теперь нуждаются в капитальном ремонте, который сегодня, понятно, сделать значительно труднее, чем произвести мелкий ремонт.

Городской инспектор — *Лоебель*
Имперский служащий — *Пленске*

НАРБ, ф. 370, оп. 1, д. 486, л. 21. Подлинник. Перевод с нем.; Judenfrei! Свободно от евреев: История минского гетто в документах. Мн., 1999. С. 182; Холокост в Беларуси. С. 102–105.

Протокол осмотра местности массовых захоронений в районе еврейского кладбища г. Минска

24 июля 1944 г.

Мною, врачом Мельниковой Евгенией Ивановной, в присутствии инженера-землеустроителя Минского ОблЗО Шафранского и местного жителя Иоффе произведен осмотр вышеуказанного места и обнаружено нижеследующее:

С южной и юго-западной стороны еврейского кладбища обнаружены 4 массовые могилы, расположенные при дороге, ведущей из центра г. Минска на урочище Тучинка, в 2-х метрах от дороги. Причем, три из них расположены параллельно дороге с юго-западной стороны и четвертая под углом к ним с южной стороны.

При обмере могилы оказались следующими:
первая могила длиной 18 метров и шириной 5 метров,
вторая могила длиной 14 метров и шириной 5,5 м,
третья могила длиной 15 метров и шириной 5,5 м,
четвертая могила длиной 18 метров и шириной 6 метров.

При обследовании ближайшей местности обнаружить другие могилы не представляется возможным в виду застройки этой территории специальным сооружением. Наличие же других ям несомненно подтверждается свидетелями стройки, которые обнаруживали трупы в массовом количестве.

Государственный архив Минской области, ф. 7021, оп. 87, д. 123, л. 85; Judenfrei! Свободно от евреев: История минского гетто в документах. Мн., 1999. С. 194.

■■■■■

Содержание

От автора _____ 4

Войной написанные строки

Моя семья _____ 6
Война _____ 11
Переселение в гетто _____ 13
Мама, мама, мамочка... _____ 25
Спасение _____ 27
В деревне Поречье _____ 30
Конец войны _____ 36

Время залечивает раны

В Тальковском детдоме _____ 38
Новая жизнь _____ 40

Мир спасает доброта

О покое и не думала _____ 60
Святые люди Беларуси _____ 69
Памятник Праведникам _____ 76
Жизнь продолжается _____ 84

Приложение

Черноглазова Р.А. Трагедия минского гетто ____ 98
Документы свидетельствуют... _____ 114

МУЗЕЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ЕВРЕЕВ БЕЛАРУСИ

БЛАГОДАРСТВЕННОЕ ПИСЬМО

Уважаемый(ая) Майя Кратина!

Музей истории и культуры евреев Беларуси выражает Вам свою признательность и благодарность за безвозмездную помощь и участие в работе нашего музея.

Своим трудом Вы даете возможность нашему и последующим поколениям ощутить свою личную связь в неразрывной цепи истории еврейского народа.

В далеком будущем люди смогут увидеть лица, услышать голоса, узнать о судьбах ушедших поколений. Они смогут слушать и учиться всегда помнить. Ведь судьба и история каждой еврейской семьи, каждого отдельного еврея – это судьба и история всего еврейского народа.

Желаем Вам здоровья, благополучия и надеемся на дальнейшее сотрудничество.

Спасибо за Вашу душевную щедрость!

С глубоким уважением и благодарностью.

От имени коллектива Музея
директор д-р Инна Герасимова

AMERICAN JEWISH JOINT DISTRIBUTION COMMITTEE
Representation Office in the Republic of Belarus

Представительство Корпорации
АМЕРИКАНСКИЙ ЕВРЕЙСКИЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
в Республике Беларусь

19 января 2005 г.

Уважаемая Госпожа Майя Крапина!

Мы выражаем Вам глубокую благодарность за помощь в подготовке и приеме UJC Federations Executives Mission to Belarus 17-18 января 2005 г. Мы высоко ценим Ваш профессионализм и личный вклад, которые и стали залогом успешного проведения данной миссии.

Марина Фромер

Глава Представительства АЕОРК в РБ

AMERICAN JEWISH JOINT DISTRIBUTION COMMITTEE
JDC
U.S.A.

Левина-Крапина, М.И.

Л36 Трижды рожденная. Воспоминания бывшей узницы минского гетто / Майя Исааковна Левина-Крапина. — Минск : Змицер Колас, 2008. — 148 с.: ил.

ISBN 978-985-6783-41-1

Книга повествует о жизни и страданиях девочки — узницы минского гетто в годы немецко-фашистской оккупации Беларуси. Ее судьба, судьба ее близких развертываются на фоне трагедии евреев республики. Рассказывается о жителях деревни Поречье Пуховичского района Минской области, спасших свыше сорока детей, бежавших из минского гетто. Воспоминания автора дополняет блок архивных документов о трагедии евреев в Беларуси в 1941–1944 гг.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, историков, краеведов, студентов, школьников, всех, кто интересуется историей Холокоста и минского гетто.

УДК 94(476)(092)
ББК 53.3(4Беи)

Литературно-художественное издание

Левина-Крапина Майя Исааковна

Трижды рожденная

Воспоминания бывшей узницы минского гетто

Редактор *Крапин И.А.*
Художник *Рудько М.С.*
Макет *Канаш Н.В.*
Корректор *Колас Д.Г.*

Подписано к печати 21.01.2008. Формат 60x90 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Presquire. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,0. Уч.-изд. л. 4,6+1,9. Тираж 500 экз. Заказ 1463.

Издатель Змицер Колас.
ЛИ 02330/0133412 от 14.10.2004.
220023, Минск, пр. Независимости, 105-14.

Напечатано с оригинал-макета заказчика
в типографии ЧУП «Ходр» ГА БелТИЗ.
ЛП 02330/0056661 от 29.03.2004.
220004, Минск, ул. Освобождения, 9.